

Патрик Колум

Великие мифы народов мира

«Центрполиграф»

Колум П.

Великие мифы народов мира / П. Колум — «Центрполиграф»,

Книга представляет собой собрание подлинных жемчужин, выбранных из огромной сокровищницы мифов народов мира в пересказе известного исследователя традиционных народных культур Патрика Колума. Автор рассказывает о героических и трагических фигурах античного мира, сказочных персонажах, представленных в мифах Египта и Вавилона, Персии и Греции, Рима и Америки. В сборник включены и сравнительно малоизвестные полинезийские, китайские и японские мифы.

Содержание

ЗНАЧЕНИЕ МИФОЛОГИИ	6
ЕГИПЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ	8
ВАВИЛОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ	9
ПЕРСИДСКАЯ МИФОЛОГИЯ	10
ЕВРЕЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ ПОСТХРИСТИАНСКОГО ПЕРИОДА	12
ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ	13
ЛАТИНСКАЯ МИФОЛОГИЯ	14
ГРЕКО-РИМСКАЯ МИФОЛОГИЯ	15
КЕЛЬТСКАЯ МИФОЛОГИЯ	16
ФИНСКАЯ МИФОЛОГИЯ	18
ИСЛАНДСКАЯ МИФОЛОГИЯ	19
ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ	20
КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ	21
ЯПОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ	22
ПОЛИНЕЗИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ	23
ПЕРУАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ	24
МИФОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ И МЕКСИКИ	25
МИФОЛОГИЯ ЗУНИ	27
ЕГИПЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ	28
ОСИРИС И ИСИДА	28
РА, ЕГО НИСХОЖДЕНИЕ И ВОСХОЖДЕНИЕ	31
ВАВИЛОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ	35
НАЧАЛО	35
ГИЛЬГАМЕШ	37
РАССКАЗ ОБ УТНАПИШТИ И ПОТОПЕ, КОТОРЫЙ УНИЧТОЖИЛ ВСЕ, ЧТО БЫЛО НА ЗЕМЛЕ	42
СОШЕСТВИЕ ИШТАР В ПОДЗЕМНЫЙ МИР	46
ПЕРСИДСКАЯ МИФОЛОГИЯ	49
ДЖАМШИД БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ	49
ИУДЕЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ ПОСТХРИСТИАНСКОГО ПЕРИОДА	55
АНГЕЛЫ, СОЗДАНИЕ И ПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	55
СМУЩЕНИЕ АНГЕЛА СМЕРТИ	57
ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ	59
НАЧАЛО	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Патрик Колум

Великие мифы народов мира

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ЗНАЧЕНИЕ МИФОЛОГИИ

До недавнего времени мифологии не придавалось должного значения. Итальянский философ XVII века Вико знал, что герой мифов Геракл, который мог разрушать горы, законодатели Ликург и Ромул за краткое время, отведенное человеку, выполнили работу многих веков, были созданиями коллективного разума. Когда человеку потребовались антропоморфные божества, он пошел по пути, как утверждает Вико, воплощения в одном герое своих вековых идеалов. Ему вторил Гете, который считал, что в ранние века идеи существовали в интуитивных мысленных образах и лишь позднее их облекли в понятия – мироощущения обрели форму, богов, а сегодня они вновь становятся понятиями. Иеремия Кертин, человек, увлеченный поэтическими образцами мифологии, писал, что в греческом языке есть два существительных, имеющих долгую историю: *миф* и *логос*. Первоначально они имели одинаковое значение, во всяком случае, в повседневной речи. Во времена Гомера использовалось то одно, то другое, и обозначали они то же, что и *слово* в нашем современном языке. Постепенно *логос* стал обозначать *внутреннее содержание – смысл, понятие* и одновременно *внешнюю форму мысли – слово, высказывание, выражение*. Следовательно, *логос* есть выражение точной мысли, которая является таковой потому, что соответствует всеобщим и неизменным принципам, выработанным человечеством. *Логос* достиг высшей степени величия, поскольку относится не только к человеческому разуму, но и ко всей вселенной как универсальная осмысленность, ритм и соразмерность бытия. Божественный Логос – сын Господа и сам Господь... *Миф* в самом широком смысле означает все, произнесенное человеком, – слово, сообщение о чем-то, рассказ. В античной Греции *мифом* называли повествование о доисторических греках. Применение термина *миф* в среде современных ученых получило достаточно широкое толкование: теперь равнозначное значение имеют сказания любого племени на земле. С древности было широко распространено мнение о том, что миф является синонимом выдумки, хотя правдивые мифы – а таковых отнюдь не мало – могут быть самым исчерпывающим и поэтичным изложением реальных событий. Миф, даже когда он заключает в себе всеобщий принцип, выражает в особой форме через своеобразие своих героев язык и внутренний мир людей определенного времени и места. Люди, которые любят и понимают мифологию, согласятся, что правда неотделима от нее, как тело от души, подчеркивал Иеремия Кертин.

Из высказываний Вико, Гете и Иеремии Кертин мы узнаем о внутренней сущности мифологии. Теперь обратимся к специалисту, который поможет нам отличить подлинные мифы от выдумок и баснословных эпизодов в романтических и эпических повествованиях. Бронислав Малиновский считает, что существует особая категория «священных» рассказов, воплощенных в различных ритуалах, обычаях и даже в социальной организации общества людей, которые составляют неотъемлемую и активную часть примитивной культуры. Эти рассказы порождены не праздным интересом и являются не только художественным или документальным повествованием. Они служат для данного общества средством утверждения первозданной, более великой реальности, которая определяет их современную жизнь, судьбу и деятельность и знание которой вооружает человека приемами ритуальных действий, а также указаниями, как их выполнять.

Таким образом, мы можем сделать вывод: мифология состоит из историй, считающихся священными и образующими составную и активную часть человеческой культуры. Истории из этого собрания должны быть таковыми или иметь знак того, что были такими когда-то. Австралийское, африканское или южноамериканское племя может передавать из поколения в поколение рассказ о сотворении мира жуком, и это повествование может быть для него священным. Но мы могли и не знать об этой истории. Примитивные формы цивилизации, такие варварские и такие великие, оставались забытыми или непонятыми, пока в период, получивший название

романтизма, к ним не обратился европейский дух. Европейцы, если можно так сказать, признали эти истории как представляющие интерес для современности. Об этом писал Бенедетто Кроче, и я использую его выражения, чтобы обозначить пределы понимания, которых нам удалось достичь, в знакомстве с мифами разных народов мира. Это повествования, содержащие нечто, способное затронуть эмоциональную сферу сегодняшних читателей, пробудить у них желание поближе познакомиться с духовной жизнью ушедших цивилизаций.

ЕГИПЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Представляется совершенно естественным начать с египтян. Однако дошедшие до нас образцы мифотворчества этой величайшей цивилизации фрагментарны; чтобы ознакомиться с самыми известными из них, приходится обратиться к греческому литературному памятнику – трактату Плутарха об Осирисе и Исиде. В приведенном здесь повествовании основные события даются по Плутарху. Но в него включен также рассказ о сотворении мира из египетских источников. Имена божеств не совпадают с именами, употребляемыми Плутархом: они даны в формах, принятых египтологами. Большая часть египетской мифологии посвящена появлению, исчезновению и повторному появлению солнца, а также описанию мира мертвых. Но ни одно из сохранившихся мифологических произведений не предлагает нам свода представлений египтян об этих процессах. Чтобы эти представления могли быть изложены в повествовательной форме, была придумана сказка о братьях и их умирающем отце. Гимн, приведенный в ней, взят из «Религии египтян» Адольфа Лемана.

Насколько сильно история Осириса и Исиды повлияла на весь Древний мир, свидетельствуют следующие размышления Плутарха: «И вот на что осторожно намекают нынешние жрецы, служа истине и укрывая ее: этот бог правит и царствует над мертвыми, и он есть не кто иной, как тот, кто называется у эллинов Плутоном, или Гадесом; а так как истина эта непонятна, то она приводит в замешательство многих людей, а именно: святой и священный Осирис обитает в земле и под землей, где скрываются тела тех, кто, как полагают, обрел конец. Напротив, этот бог очень далек от земли и пребывает нетронутым, незапятнанным и чистым от всякой сущности, причастной к разрушению и смерти. И для людских душ, которые облачаются в этом мире в тела и страсти, сопричастие богу ощущается только как образ туманного сновидения, которого можно коснуться познанием с помощью философии. Когда же души освобождаются и переходят в невидимое, незримое, невозмутимое и непорочное обиталище, тогда этот бог становится для них владыкой и царем, из-за него они как бы привязаны к несказанной и невыразимой для людей красоте, созерцают ее и ненасытно стремятся к ней. И, как гласит старинное предание, Исида, полюбив красоту, вечно тяготея к ней и пребывая с ней, наполняет наш мир всем прекрасным и благим, что имеет отношение к рождению. Таково объяснение всего этого, более всего соответствующее божественной природе».

Интерпретация Плутарха истории об Осирисе и Исиде вовсе не обязательно имеет египетские корни. Мы также не можем быть уверены, что молитва героя Апулея Люция Исиде была бы именно таковой, если бы произнес египтянин: «О святейшая, человеческого рода избавительница вечная, смертных постоянная заступница, что являешь себя несчастным в бедах нежной матерью! Ни день, ни ночь одна, ни даже минута краткая не протекает, твоих благодеяний лишенная: на море и на суше ты людям покровительствуешь, в жизненных бурях простираешь десницу спасительную, которой рока нерасторжимую пряжу распускаешь, ярость судьбы смиряешь, зловещее светил течение укрощаешь. Чтут тебя вышние боги, и боги теней подземных поклоняются тебе, ты круг мира вращаешь, зажигаешь солнце, управляешь вселенной, попираешь Тартар. На зов твой откликаются звезды, ты чередования времен источник, радость небожителей, госпожа стихий. Мановением твоим огонь разгорается, тучи стгущаются, всходят посевы, поднимаются всходы. Силы твоей страшатся птицы, в небе летающие, звери, в горах блуждающие, змеи, в земле скрывающиеся, чудовища, по волнам плывущие. Но я для воздания похвал тебе – нищ разумом, для жертв благодарственных – беден имуществом, и всей полноты речи не хватает, чтобы выразить чувства, величиим твоим во мне рожденные, и тысячи уст не хватило бы, тысячи языков и неустанного красноречия потока неиссякаемого! Что же, постараюсь выполнить то единственное, что доступно человеку благочестивому: лик твой небесный и божественность святейшую в глубине моего сердца на веки вечные запечатлею и сберегу».

БАВИЛОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Вавилонская религия находилась на более высоком уровне развития, чем египетская, которая, по словам одного из величайших египтологов, Масперо, была близка к анимизму и фетишизму африканских племен. И все же шумеры и вавилоняне в сравнении с египтянами имели очень слабое представление о жизни после смерти. Для них нижний мир был средоточием тьмы, где ушедшие, сохраняя сознание, обречены лежать без движения на протяжении веков под строгим присмотром богини, царствовавшей в том мире. Профессор Ростовцев утверждает, что гимны и молитвы, адресованные богам Вавилона и Ассирии, полны неподдельного религиозного чувства и поэтического вдохновения. Вавилоняне в своей эпической поэзии старались объяснить великие тайны природы, связанные с жизнью богов и людей.

Их рассказы о борьбе богов против Хаоса и созданных им чудовищ, о приключениях Гильгамеша, о сошествии Иштар в страну мертвых по своей образности сравнимы с их резными изображениями, на которых цари и солдаты, лошади и львы, колесницы и копья переданы с такой художественной выразительностью, что и сегодня выглядят устрашающе.

Чудеса, которые демонстрируют могущественную волю,
Огромная сила и непревзойденное мастерство,
Которые не ищут похвалы,
Слишком слабой, чтобы достичь такой высоты.

Сохранением вавилонских и шумерских мифов мы в значительной степени обязаны ассирийскому царю неовавилонского периода Ашурбанипалу, который правил в Ниневии в 668 году до н. э. Решив собрать в своем дворце библиотеку, царь приступил к систематической работе по сбору литературных произведений. Он послал переписчиков в древние города, центры ученой мысли – Ашур, Вавилон, Кута, Ниппур, Аккад, Эрех и многие другие, чтобы сделать копии с хранившихся там древних трудов, а когда они попадали в Ниневию, делал с них новые копии для дворцовой библиотеки сам либо поручал это своим переписчикам. В любом случае царь сличал тексты лично перед тем, как поместить их в библиотеку. Появление табличек с текстами из его библиотеки предполагает, что он создал мастерскую, где глину очищали, замешивали и формовали из нее однотипные таблички правильной формы. Существовала также промышленная печь, в которой их обжигали после нанесения надписей. Удивительно единообразие таких надписей, а ошибки в них встречаются очень редко. Ашурбанипал интересовался литературой шумеров, народа, населявшего Нижний Вавилон в 3500 году до н. э. и позднее. Он и его переписчики сделали двуязычный список знаков, слов и предметов всех классов и видов – все они воистину бесценны для современных студентов, изучающих шумерский и ассирийский языки.

Греки позаимствовали у вавилонян один миф – о Таммузе – Адонисе. Как утверждает Фрейзер в «Золотой ветви», каждый год Таммуз умирал, покидая веселую и радостную землю и переходя в мрачное подземное царство, и каждый год его божественная супруга отправлялась на поиски его. В середине лета смерть Таммуза оплакивали все мужчины и женщины на земле. История о сошествии в страну мертвых Иштар, возможно, была создана из гимнов, которые пели на траурных церемониях в середине лета. Как и Осирис, Таммуз олицетворял растительность, которая умирает и возрождается снова.

ПЕРСИДСКАЯ МИФОЛОГИЯ

В то время когда ассирийские цари неовавилонской эпохи создавали мифологические циклы, а египетская и греческая мифологии расцвели пышным цветом, оригинальная персидская или иранская мифология приостановилась в своем развитии; в последующее время почти все записи были уничтожены. Это произошло в царствование Дария (VI век до н. э.) из-за подъема маздеистского, или зороастрийского, дуализма – течения, которое, будучи признанным царем и правящими классами, лишило старую мифологию своего первоначального значения и ценности.

Зороастрийский дуализм являлся религией, которая находилась на более высоком уровне развития, чем религии Египта и Вавилона. Профессор Ростовцев утверждает, что, как и иудейские пророки, Зороастр достиг концепции единого духовного бога – Ормузда, или Ахурамазды, в котором воплощены принципы добра, тогда как принципы зла олицетворял Ариман, он же Ангра-Майнью. Эти два принципа находятся в вечном противостоянии в жизни и в природе, и в этой борьбе участвуют люди. Человек ответственен за свои действия, как хорошие, так и плохие; он хозяин своей судьбы, его воля определяет линию поведения. Если он борется против зла, признает Бога и заботится о чистоте своего тела и души, тогда по прошествии четырех периодов в мировой истории по три тысячи лет каждый, когда настанет время для окончательной победы добра над злом, Ормузда над Ариманом, – воскрешения мертвых и последнего суда, – ему гарантировано место среди спасенных и праведников.

Персидская религия имела сильное влияние на иудаизм и раннее христианство: царь, который был поборником раннего зороастризма, покончил с вавилонским пленом и дал возможность иудеям воссоздать культ волхвов, которые были персами и зороастрийцами. Эта религия в форме обожествления одной из ангельских сил зороастрийской теологии – Митры – распространилась и на западе в период заката Римской империи и стала могущественным соперником зарождающегося христианства. Культ Митры, которого идентифицировали с солнцем, поощрялся римскими военачальниками. Известно, что даже в Британии был храм, построенный в его честь. Современное христианство, в части, касающейся церемоний и ритуалов, имеет элементы, порожденные прежней близостью к митраизму. Прочитав «Восточную оду» Фрэнсиса Томпсона, мы узнаем кое-что о поклонении Митре. Показательно, что оду открывают метафоры из священного ритуала:

И вот на священном востоке
День, верный жрец,
Величественный во всех одеждах,
Поднимается медленно, поднимается плавно
Из своего восточного шатра.
Там появляется круглый священный символ,
Который дает миру благословление рассветом.

Чувства поклонников Митры проявляются еще сильнее в другом стихе:

Ты есть воплощенный свет,
Чье величие исконно и незыблемо, и после
Смерти и возрождения нашего дня и ночи;
От него твой наместнический жезл
С двойной силой черного и белого.
Дающий любовь, и красоту, и желание,

Страх, и притягательную силу, и чистоту,
Смертоносность и жизненную силу огня!

Считается, что оригинальная мифология Ирана и Персии принадлежит к тому типу, который существовал в арийской Индии около 1000 года до н. э., – мифологии ведических гимнов. Множество имен из самого старого слоя иранских традиций имеет корни среди имен в ведических гимнах. Одно из этих имен – Йима, впоследствии ставшее персидским Джамшид. Йима – то же, что и ведический бог Йама: Йама в Индии был божеством мертвых. Альберт Дж. Карной пишет: «...все известное о Йаме-Йиме свидетельствует о том, что это заходящее солнце. Он идет по пути солнца, чтобы отправиться в удаленное жилище, куда ведет за собой людей. ...В Иране солнечная природа Йимы больше подчеркивается, чем в Индии, и старые эпитеты, употребляемые вместе с именем Йимы, очень характерны в этом отношении. Его обычно называют *сверкающим*, и это прилагательное часто сопутствует солнцу». История Джамшида одна из самых ясных и законченных легенд мифологии, дошедшая до нас из Древнего Ирана. Она сохранилась в созданном значительно позже труде, названном «Шахнамэ», написанном поэтом Фирдоуси, который умер примерно в 1025 году н. э. Фирдоуси использовал древние обычаи, которые являлись мифологией, изложенной в виде псевдоисторических легенд. Интересно отметить, что вскоре после того, как Фирдоуси обратился к фрагментам арийской мифологии как к историческим обычаям и романтическим сказаниям, аналогичный подход был применен на другом конце арийского мира – в Уэльсе, где фрагменты кельтской мифологии были объединены в сборник романтических историй, известный как «Мабинион».

ЕВРЕЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ ПОСТХРИСТИАНСКОГО ПЕРИОДА

Еврейская мифология, дошедшая до нас в «Хаггаде», наиболее родственна персидской мифологии. Ее монотеизм представляется номинальным, прикрывающим истинный дуализм. Так, Бог создает ангелов на второй день, чтобы люди не подумали, что ангелы помогали Богу в создании неба и земли. Этот дух соперничества присутствует во многих историях: с одной стороны Бог, с другой – ангелы. Ангел Самаэль, который впоследствии становится сатаной, то есть силой, противостоящей Всевышнему, занимает то же положение, что и Ангра-Майнью по отношению к Ахурамазде. Истории, составившие «Хаггаду», создавались между II и XIV веками н. э.

ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Мифы Древней Греции приводятся в данной книге в основном по «Теогонии» Гесиода и гимнам Гомера, созданным между VIII и VI веками до н. э. О греческой мифологии сказано и написано очень много – добавить почти нечего. Можно только процитировать несколько фраз из «Прологомены к исследованию греческой религии», написанных Джейн Гаррисон: «Все люди благодаря своей человеческой природе являются создателями образов, но в одних случаях эти образы яркие и выразительные, в других – скучные и безжизненные. Греки были выдающимися «иконистами», величайшими создателями образов из всех известных миру, и поэтому их мифология жива и сегодня».

ЛАТИНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Важно разделять греческую и латинскую мифологии. Юпитер и Зевс хотя во многом и тождественны, но они вовсе не одно и то же лицо. Юнона – это не Гера, Минерва – не Афина, Нептун – не Посейдон. Римляне, как утверждает Джейн Гаррисон, обожествляли не богов (*dei*), а силы (*numina*).

И эти силы были совершенно безликими. Они не имели отличительных черт, они не были наделены яркой индивидуальностью, как греческие божества, вокруг каждого из них не слагались глубокие и поэтические мифы. Но мы должны помнить, что мифология, создание образов, является только лишь одним и, вероятно, не самым главным фактором в религии. Римляне, безусловно, не были «иконистами», но из этого вовсе не следует, что они были менее религиозны, чем греки. Скорее даже наоборот. Нечто смутное, не вполне ясное вызывает большее благоговение, чем известное и очевидное.

По утверждению Моммзена, Марс, сеющий смерть, был центральным итальянским божеством, во всяком случае когда итальянские народы жили на своем полуострове сами по себе. Он был защитником горожан. Потрясая копьем, он охранял свой народ и отражал его врагов. Марсу был посвящен первый месяц не только в римском календаре – который в других случаях не принимает во внимание богов, – но также, вероятно, и во всех латинских и сабинских календарях. Среди римских имен собственных, которые, аналогичным образом, не содержат намеков на других богов, с древнейших времен встречаются такие имена, как Маркус, Мамеркус и Мамуриус. С Марсом и его священным дятлом связано старейшее итальянское пророчество; волк, священное для Марса животное, был эмблемой римских горожан. И даже священные легенды, на которые хватило даже бедного воображения римлян, относились исключительно к богу Марсу и его копии – Квирину. В то время как абстракция, которая лежит в основе каждой религии, где-то еще стремилась подняться до более широкого и полного понимания и глубже проникнуть в суть вещей, форма римской веры осталась застывшей или даже опустилась до необычайно низкого уровня понимания и проницательности. В религии Рима не было ничего тайного, за исключением имен богов города, Пенатов, а истинный характер даже этих богов был очевиден всем и каждому. Из всех римских культов, вероятно, самым глубоким был культ духов-хранителей, которые жили в домах, в кладовых, в общественных зданиях. Речь идет о культе Весты и Пенатов, причем Пенаты были общественные и домашние¹, о культе Сильвана – бога лесов и дикой природы – и, особенно, богов домашнего очага – Ларов, которым регулярно выделялась еда с домашнего стола. О мире духов можно сказать немного. Души умерших, «хороших» людей, продолжали существовать в виде теней, посещавших то место, где ранее пребывало тело, и получали еду и питье от живых. Но жили они глубоко под землей, и не было моста, по которому можно было выйти из нижнего мира к людям на землю или к богам над ней. Культ героев, столь сильно развитый в Греции, у римлян отсутствовал. Нума – древнейшая и самая уважаемая фигура в римской истории – никогда не обожествлялся в Риме так, как Тесей в Афинах.

Истории Ромула и Нумы приведены по жизнеописаниям Плутарха и трудам Ливия, где персонажи рассматриваются как исторические личности. История Помоны и Вертумна взята из трудов Овидия.

ГРЕКО-РИМСКАЯ МИФОЛОГИЯ

История о Купидоне (Амуре) и Психее является литературным вымыслом; тем не менее она приводится в данном сборнике мифов, поскольку приобрела черты священной истории, сосредоточения религиозной мысли. Кроме того, литературное произведение было основано на древнем греческом сказании, включавшем и религиозные элементы. Следует помнить, что матерью Купидона является не Венера, героиня ранней римской мифологии, и не Венера-Родительница из поэмы Лукреция; она отождествлялась с Афродитой, богиней, культ которой был широко развит на южных и восточных островах Греческого архипелага. В дошедшей до нас форме история относится к довольно позднему периоду: она была написана Апулеем из Мадавра, который родился в 124 году н. э., и составляет эпизод его известного произведения «Золотой осел».

1 Домашние Пенаты охраняли единство семьи, общественные – целостность Римского государства. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

КЕЛЬТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Кельтская мифология известна только благодаря фрагментам, которые дошли до нас из ирландской (гаэльской) и уэльской (бритонской) романтических историй. О мифологии континентальных кельтов мы не знаем ничего.

Альфред Натт в «Путешествии Брана» писал, что на континенте кельтские племена соприкоснулись с богатой и высокоразвитой греко-римской мифологией и практически отказались от собственного мифотворчества. На Британских островах кельтский мифологический романтизм избежал влияния Рима, был пощажён христианством и вплоть до нашего времени служил основой для крестьянских представлений о феях и эльфах, которые, по существу, являлись древними сельскими верованиями в волшебные силы. Они сохранились в первозданном виде и лишь частично видоизменились под яростным напором представителей воинствующего христианства. Гаэльские крестьянские верования отличались от верований жителей других частей Европы, потому что кельты сохранили в романтической форме элементы дохристианской мифологии. Благодаря тому, что эти элементы вошли в артурианский романтизм, литература современной Англии сохранила доступ в волшебное царство мифов и легенд и получила возможность собирать божественные плоды неувядаемой красоты в чудном саду старины.

В Ирландии образованные люди, которые гордились своей национальной историей, писали исторические произведения и романтические истории, используя образы мифологии. Они дошли до нас в документах XI и XII веков. В Уэльсе менее обширный и более разрозненный материал за период между 1080 и 1260 годами был оформлен в романтический сборник, который известен под названием «Мабиногион».

В Древнем мире кельты были известны своими самобытными взглядами, касающимися жизни души, – у них существовала концепция иного мира, в котором царило всеобщее счастье.

Известный исследователь кельтских мифов Альфред Натт пишет, что, хотя самые древние записанные греческие и ирландские высказывания разделяет от пятнадцати до двадцати веков, все же обе мифологические системы находятся примерно на одной ступени развития, разве что Ирландия сохранила с большей полнотой и точностью концепцию, из которой появилась гомеровская Греция. Исследование мифологий других арийских народов, вернее, народов, говорящих на арийских языках, как и на греческом и ирландском, выявляет удивительный факт: только греки и ирландцы сохранили раннюю концепцию иного счастливого мира в сравнительной полноте.

Кельтская религия представляла собой обожествление сил жизни и роста.

«В Греции силы жизни и роста, которым поклонялись примитивные земледельцы, являются только одним из элементов законченного эллинского пантеона, который подвергся таким многочисленным изменениям, был настолько расширен и прославлен, что стал почти неузнаваемым. В Ирландии, если судить по сохранившимся ранним текстам, эти силы, очевидно, составляли доминирующий элемент пантеона, который не слишком отклонился от своей первоначальной формы. Главное же заключается в том, что основными действующими феноменами являются сельские силы жизни и роста, поэтому в мифологии преобладают рассказы, связанные с сельскохозяйственным занятием жителей».

Альфред Натт делает следующий вывод относительно кельтской мифологии, проявляющейся в ирландском романтизме:

«Общие черты греческой и ирландской мифологий принадлежат к ранней стадии арийской мифологической эволюции и не являются результатом влияния, которое оказывает более развитый народ на сравнительно отсталый. Уцелев в Греции, они показывают высокий уровень ирландского дохристианского развития, отсюда последовательность и выразительность ирландской мифологии. Она, безусловно, несколько отрывочна по форме и искажена из-за передачи

через создание христиан, однако мы обязаны Ирландии сохранением мифологических концепций и образов более архаичных, чем величайшие мифологии Греции и ведической Индии».

Приведенные здесь кельтские истории относятся главным образом к приключениям в ином, счастливом, мире, в божественной стране. «Путешествие принца Брана» – типичный образец этой части кельтской мифологии, оно опубликовано с комментариями Альфреда Натта. Поэмы, составляющие древнейшую часть этого произведения, относятся к VIII или, возможно, к VII веку. В божественной стране, по которой путешествует принц Бран, происходят события, которые приводят к рождению Этайн и к смерти короля Коннайре. Божественная страна также является местом приключений Пвилла в мифологии Уэльса. Пвилл, Аравн и Матонви первоначально были богами кельтской Британии: рассказы о них взяты из уэльского «Мабиногиона».

ФИНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Финская мифология создавалась финнами, народом, принадлежащим к финно-угорской группе, включающей финнов и их ближайших родственников эстонцев, а также саамов и венгров. Эта мифология знакома нам по эпосу «Калевала». В дошедших до нас финно-угорских мифах действие происходит в стране лесов и озер Северной Европы. До недавнего времени эти предания существовали в виде устного народного творчества. Разрозненные отрывки поэмы, известной под названием «Калевала», были опубликованы в 1822 году Закариасом Топелиусом. Элиас Леннрот собрал остальные и сформировал двадцать две или двадцать три тысячи стихов в пятьдесят рун. Метрической форме, в которой дошла до нас «Калевала», подражал Лонгфелло в своей «Песне о Гайавате».

Может показаться удивительным, что и в Новое время в Европе продолжало развиваться мифологическое творчество. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов влияние христианства на народные песни, составляющие «Калевалу». Значительная же часть такой поэзии, где не обошлось без влияния католицизма, находилась на подъеме в Средние века.

Приведенные здесь эпизоды взяты из «Калевалы», использованы руны XIII и XIV, а также труд Джона Аберкромби о магических песнях финнов.

ИСЛАНДСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Приняв во внимание, что во Франции, Британии и Ирландии христианство было установлено на шестьсот лет раньше, чем оно появилось в Исландии и Скандинавских странах, мы осознаем, какая долгая жизнь была суждена мифологии Северной Европы в сравнении, скажем, с мифологией Британии и Ирландии. Исландская мифология является частью скандинавской мифологии, которая, в свою очередь, образует часть мифологии германских народов. Она развивалась отдельно в Норвегии и, возможно, в Исландии, где и были сделаны записи, дошедшие до наших дней. Исландия в том виде, в каком она представлена в исландских сагах, была центром скандинавского мира. Впоследствии ее мифология подверглась влиянию христианства. О величайшем произведении, которое рассказывает нам о сотворении мира и судьбе богов – «Прорицание провидицы» («Волюспо»), – ее переводчик Генри Адамс Беллоуз пишет следующее:

«Не подлежит сомнению, что поэма является языческой, а не христианской. В каждой ее строфе присутствует сила и яркость образов, которой ни один архаизированный христианин не может достичь. С другой стороны, свидетельства христианского влияния достаточно весомы, чтобы перевесить аргументы Финнура Джонссона, Мюлленгофа и других исследователей, которые утверждают, что «Волюспо» – продукт исключительно язычества. Норвежцы X века – скитальцы, из них христианство приняли только единицы, тем не менее они имели тесные связи с уже обращенными кельтами, и во многих отношениях кельтское влияние ощущается очень сильно».

Мы обязаны своими знаниями этой мифологии поэтической и прозаической Эдде. Первая представляет собой собрание поэм, прославляющих богов и героев прежних времен, а вторая является справочным руководством, где описываются божества и их деятельность, а также приводятся отдельные истории из жизни богов и героев. Ученые пришли к выводу, что саги, составляющие «Поэтическую Эдду», приняли свой нынешний вид примерно между 900 и 1050 годами. «Прозаическая Эдда» была составлена исландским ученым Снорри Стурлусоном примерно в 1220 году. Повторное открытие этой мифологии приветствовалось всеми германскими народами и считается достоянием человечества. Сюжеты германской мифологии легли в основу знаменитой оперы Вагнера «Кольцо нибелунга»¹; трагическая музыка знаменитого композитора дала им новую жизнь.

¹ «Кольцо нибелунга» – тетралогия. В нее вошли: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид» и «Гибель богов».

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Индия – самая «мифологизированная» из существующих цивилизаций; мифология, широко используемая в ее литературе, имеет тройственный характер. Прежде всего, существует арийская мифология, которая имеет связь с мифологиями Персии, Греции и Италии. Мы знаем ее по ведийским гимнам (оформившимся между 1200 и 800 годами до н. э.) и поэтому называем ведийской. Затем, существует мифология, которая номинально происходит из вед, но значительно отличается по содержащимся в ней идеям и концепциям. Это мифология брахманизма, живая мифология Индии, открытая для нас в грандиозных эпических произведениях, созданных примерно в IV веке до н. э., – «Рамаяна» и «Махабхарата». Буддизм, движение, изначально имевшее целью упростить брахманизм, добавил новые черты в мифологию страны. Из него сформировалась мифологическая система, связанная с существами, которые время от времени воплощались в героев, призванных спасти человечество: истории о подобных инкарнациях и о попытках будд достичь просветления являются ее составными частями. В нее также входят рассказы о животных, повествующие о воплощениях будд в тела зверей. В отличие от Персии и Европы мифотворчество Индии никогда не вытесняли движения, подобные зороастризму и христианству.

В отношении своей мифологии Индия является неким водоразделом: системы, которые на первый взгляд сильно различаются между собой, на самом деле очень близки друг другу. Диас Питар, отец-небо, по сути, не кто иной, как Зевс или Юпитер; с ним взаимодействуют Индра – грозовой бог, Агни – бог огня и небесные всадники-близнецы, которые сходны с богами в европейской мифологии. Ведическая мифология была идеологией простых людей, обрабатывавших землю и выращивавших скот. Брахманизм же исходил из определенных философских идей: время и пространство представлены здесь в размерах непостижимых для европейской культуры; есть бесчисленное количество миров, нет числа периодам творения; боги бессмертны, но им суждено быть поглощенными вместе со вселенной в конце космического цикла. Мифология брахманизма, в том виде, в каком она представлена в эпосах, очень богата. В предлагаемом сборнике из нее взяты четыре истории: о пахтании океана и рождении Ганги (из «Рамаяны»), о Савитри и властелине мертвых, о выборе Дамаянти (из «Махабхараты»). Рассказ о Готаме взят из буддистской мифологии и является одной из письменных историй о Будде, в которого воплотился принц Сиддхартха, живший в V веке до н. э. В ранних ведах сюжеты очень бедны: индийские гимны, если сравнивать их с гомеровскими, чрезвычайно объемны, однако ни один из них не содержит последовательно изложенного сюжета. История о небесной нимфе и ее смертном супруге пересказана на основе единственного более или менее распространенного упоминания в гимнах. Она также встречается в более поздней литературе, однако персонажи ее уже несколько видоизменены. Если в ведах апсары являются нимфами, которым свойственна простота и даже суровость, то в литературе более позднего периода они предстают сладострастными искушительницами. Интересно отметить, что эти божеества, дэвы, в Персии после появления там зороастризма стали демонами. Позднее эти демоны превратились в демонические существа из арабских сказок.

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

В Китае, в отличие от Индии и Греции, не уделялось большого внимания литературному описанию деятельности богов. Здесь не было ни своего Гесиода, ни Гомера, ни Вальмики². Можно подумать, что у китайцев отсутствовало любопытство относительно своего происхождения. Их философы всегда занимались проблемами этики и политики, а поэты – человеческими взаимоотношениями и связями с природой. Последователи Конфуция считают, что предметы, о которых мастер отказывался говорить, это «необычайные явления, подвиги, хаос и духи». Такое отношение культивировалось и литературными кругами, уничтожив интерес к мифологии. Однако не приходится сомневаться, что у китайского народа есть немало преданий о личностях, которые можно считать мифическими. Вместе с тем эти предания настолько прозаичны и фантастичны и столь очевидно являются продуктом литературного вымысла, что их просто невозможно пересказать, сохраняя серьезность. Для китайцев вселенная создана и поддерживается безликими силами; у них отсутствует то, что является основой мифологии, – персонификация сверхъестественных сил и их идентификация с некоторыми интересами человека.

Легенда о творении Паньгу имеет свои истоки в даосизме. Китайские ученые полагают, что он появился в Китае извне. «Небесная ткачиха и пастух» – звездный миф, объясняющий происхождение звезд Вега и Волопас. Его герои почитаются женщинами, занимающимися рукоделием разного рода. Миф известен не только в Китае, но и в Японии.

² Вальмики – древнеиндийский поэт, которому приписывается авторство первого текста «Рамаяны».

ЯПОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

В отличие от даосизма, конфуционизма и буддизма синтоизм является примитивным комплексом верований японского народа. Два приведенных в настоящей книге космологических мифа взяты из идеологии синто. Триумф солнечной богини над тьмой и хаосом идентифицируется с триумфом императорской династии над враждебными ей силами: считается, что императорский род происходит от солнечной богини.

ПОЛИНЕЗИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Широко распространенный на островах Тихого океана народ канака, или маори, имеет богатую и удивительно однородную мифологию. Одни и те же божественные существа фигурируют в мифах большинства островов. «Мы находим, – пишет Марта Уоррен Беквит, – одну и ту же историю, которую рассказывают в Новой Зеландии и на Гавайях с точностью до мелких деталей; одинаковы даже имена». В нашем понимании все полинезийские предания являются мифологическими. М. Беквит утверждает, что боги и люди являются для полинезийца представителями одной семьи, только выступающими в разных формах. Боги имеют власть над определенными явлениями. Сверхъестественное сочетается с естественным в точности так же, как у полинезийца боги связаны с людьми. Факты об одном существе, даже переместившемся на небеса, считаются объективными и касающимися любого другого и используются для объяснения социальных обычаев и физических явлений в действительности.

Полинезийцы, как и древние египтяне, считали, что душа имеет двойственную природу: часть ее может покидать тело и потом возвращаться или ее можно изъять и вернуть с помощью заклинаний.

Самое точное художественное изложение полинезийского мифа о Пеле и Хииаке мы находим у Н.Б. Эмерсона. Перед нами мифическая история о гавайской богине вулканического огня в том виде, как ее излагают верящие в нее люди, переданная для нас исследователем, знающим этих людей и уважающим их традиции. Упомянутый миф, впервые опубликованный, занимал более двухсот страниц, и в нем было использовано сто семьдесят драматических поэм. Читая этот миф, мы в полной мере осознаем, насколько изолирована и не похожа на нашу полинезийская культура. Приведенный далее полинезийский миф о сотворении мира родился в Новой Зеландии. Он включен в «Полинезийскую мифологию» Джорджа Грея. Рассказ о попытке Мауи завоевать бессмертие для людей взят из этого же труда. Другой рассказ о Мауи является частично новозеландским, частично гавайским. Он приведен в моей книге «У порога дня». В конечном счете он основан на труде У.Д. Уэстервельта «Мауи – полубог». Мауи – панполинезийский герой. Мифы о нем существуют на всех островах, которых достиг народ канака-маори.

ПЕРУАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Две великие американские цивилизации – среднеамериканская и южноамериканская – находились на подъеме примерно в одно и то же время, а их упадок наступил в период, предшествовавший приходу европейских завоевателей. До нас дошло намного меньше сведений о цивилизации инков, нежели об ацтеках. Большинство наших знаний о древнем Перу основывается на трудах Гарсиласо де ла Вега, отец которого был испанцем, а мать – коренной жительницей Перу, он же считал себя потомком инков. Труды Г. де ла Вега были переведены на английский язык К. Маркхэмом, в книгах которого содержится почти все, что нам известно о древних памятниках, литературе и традициях инков. В первом мифе я вообразил рассказчика – кого-то вроде Г. де ла Веги. Второй рассказ, по существу, мифом не является. Это скорее сказка. Но до нас дошло так мало мифов инков, что любой рассказ, имеющий пусть даже отдаленное отношение к их мифологии, но являющийся плодом воображения этого древнего народа, не лишен интереса. «Пастух лам и солнечные девы» – это пересказ версии К. Маркхэма. Он был рассказан Мартину де Моруа, который в 1583 году изучал культуру кечуа.

МИФОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ И МЕКСИКИ

Что касается восприятия Центральной Америки и Мексики как единой культурной области, я в этом вопросе признаю авторитет Эдуарда Селера, объединяющего Гватемалу, Юкатан и Мехико. Он писал: «Единство обширного района, на котором существовала древняя цивилизация, яснее всего выражено через календарь, который эти люди считали основой, альфой и омегой всех возвышенных и оккультных знаний». Согласно этой точке зрения культуры майя, тольтеков и ацтеков являются разновидностями единой культуры.

Самым художественным изложением мифологии этой культуры по праву считается книга, написанная в Гватемале на языке майя примерно в XVII веке. Она называется «Пополь-Вух». Испанская версия индейского текста была переведена на французский язык Брассером де Бурбуром, и наши знания об этой крайне любопытной книге почерпнуты именно из этого перевода. Две истории, приведенные в настоящем сборнике, взяты именно из этой книги – история сотворения мира и приключения близнецов-героев. Часть материала взята из английского перевода другой индейской книги – «Анналы», посвященной индейцам какчикелям. Остальные рассказы являются ацтекскими; они принадлежат людям, жившим там, где сейчас находится столица Мексики. Политическое и материальное могущество, которого достигли эти люди, прекрасно отражено в том впечатлении, которое их главный город – Теночтитлан произвел на летописца испанских завоеваний Бернала Диаса.

«Мы поинтересовались мнением своих солдат, которые побывали в разных странах света: в Константинополе, Италии, Риме. Они сказали, что нигде не видели так удачно спланированного, просторного и ухоженного города, где проживало так много людей».

Из ацтекских легенд самой трогательной представляется повествование о Кецалькоатле, его благодеяниях и изгнании из Толлана. Ученые придерживаются мнения, что Кецалькоатль был или божеством тольтеков, или же последним тольтекским царем и носил имя главного божества своего народа. Тогда рассказ о нем символизирует падение умеренной и просвещенной тольтекской цивилизации под натиском более воинственных племен ацтеков. Другое толкование дано Льюисом Спенсом:

«С апреля или мая до начала октября пассат с восточного берега дует над плато Анахуак, неся с собой дожди, благодатные для урожая, таким образом «очищая дорогу для богов дождя». Он движется довольно медленно. Дожди в Веракрусе начинаются на три-четыре недели раньше, чем в Пуэбле и Мехико. Однако в начале октября он неизменно видоизменяется местным муссоном. Кецалькоатль олицетворяет мягкий и спокойный пассат, который сопровождается благодатными для растительности дождями. Проводя политику мира и изобилия, он встречает противодействие в лице Тецкатлипоки, который представляет собой муссон. Как неудержимый вихрь, преследует он своего противника «от города к городу», бросаясь на него, словно тигр, и в конце концов изгоняет из страны. Тецкатлипока также является богом ветра, иногда его называют «ветром ночи». А тот факт, что он – муссон или ураган, неопровержимо доказывается тем обстоятельством, что этот ветер, по преданиям, носится по ночным дорогам с огромной скоростью. Кстати, Хуракан – таково его имя у индейцев киче – используется для обозначения ветра и стало нарицательным для сильных ветров практически во всех европейских языках, когда это слово, без сомнения, пришло из Америки».

Когда мы рассматриваем монументальные скульптуры древних мексиканцев и их рисунки, поневоле возникает впечатление, что эта цивилизация необычайно сильно связана с землей: все фигуры словно имеют корни. На некоторых рисунках руки людей изображены в движении, но это движение больше напоминает дрожание веток дерева, и мы нигде не видим лиц, обращенных к небу. В их мифологии, как нам кажется, отсутствует абстрактная мысль. Такой прагматизм мышления выработал религию самую жестокую из всех, когда-либо связан-

ных с земными цивилизациями. Если они ждали дождя, то старались показать ответственному за него божеству, что именно им нужно, проливая человеческую кровь. Они ежегодно приносили в жертву тысячи людей; кульминацией любой ацтекской церемонии было человеческое жертвоприношение.

Вот что можно сказать об этой религии:

«Ученые, изучающие религиозные верования, довольно часто демонстрируют нежелание более глубоко рассматривать культовые традиции мексиканцев. Это происходит не только по причине многочисленных трудностей, препятствующих полному изучению этой интереснейшей фазы человеческой веры в вечные истины, но также, вероятно, из-за «дьявольской» репутации этой религии. Никому не хочется погружаться в пучину ужасов, неразрывно с ней связанных. Эта религия явно не обладает притягательной силой. И все же, если принять во внимание неукоснительное соблюдение жрецами-священнослужителями и народом установленных обрядов, от чего не мог уклониться ни один человек и ни одно поколение, и рассматривать религию ацтеков с терпимостью и либерализмом, тот, кто проявит достаточное упорство в ее изучении, со временем будет вознагражден. Она не только изобилует ценными фактами, обогащающими наши представления о верованиях древних, но и своей потрясающей красочностью и богатством символики не может не найти путь к сердцу исследователя, одарив его волшебством открытия. Эхо священных барабанов из змеиной кожи, отразившееся от величественной пирамиды Уицилопочтли и пролетевшее над таинственным Теночтитланом, словно гром с Олимпа, покажется не менее яркой сущностью исчезнувшей веры, чем память о песнопениях Эллады. И если воспоминания о живописных, хотя и ужасных ритуалах этого талантливого, обладающего живым воображением и, несомненно, замечательного народа терзают душу, разве они не вызывают у нас сознание беспомощности человека перед богами, которое провозглашают примитивные религии, и поддерживает разум?»

МИФОЛОГИЯ ЗУНИ

Индейцы, живущие в индейских поселках, называемых пуэбло, главными представителями которых являются зуни, принадлежат к той стадии культуры, из которой вышли великие цивилизации Средней и Южной Америки. Приведенная в настоящем сборнике история взята из книги «Мифотворчество зуни» Кушинга, опубликованной в виде доклада американского бюро этнологии в 1896 году. Цитируемые далее замечания Кушинга о верованиях зуни явились следствием наблюдений, проведенных им в период между 1879 и 1881 годами.

«Вера зуни <...> это капля масла в воде, окруженная и открытая для прикосновений со всех сторон, но в нее нигде не проникли и не изменили ее чужие верования, которых вокруг немало. <...> В то же время случайный посетитель зуни, видя, но не будучи способным проанализировать указанные выше знаки, был бы приведен другими, более заметными знаками к иному выводу, вероятнее всего, противоположному. Он бы увидел лошадей, скот, ослов и коз, не говоря уже о свиньях и цыплятах. Он бы увидел персиковые сады и пшеничные поля, телеги (а сегодня и оружие), всевозможные металлические инструменты. Он бы увидел индейских серебряных дел мастеров, раздувающих свои примитивные мехи и использующих нехитрые инструменты из железа и камня для превращения серебряных монет в блестящие пуговицы, рельефные украшения, бусы и браслеты, которые носит каждый обеспеченный зуни. Он бы увидел изношенную, особенно у мужчин, одежду из яркого миткаля и других продуктов ткачества. Не приходится сомневаться, что зуни на протяжении своей истории сталкивались с благородными францисканскими монахами и их куда более тяжелыми на руку и менее благородными испанскими спутниками. Но они смогли выжить, приспособиться к новым внешним условиям и уберечься от судьбы, постигшей несколько десятков менее стойких индейских племен, истребленных воинственными и хорошо вооруженными племенами навахо и апачей. Свой вклад в сохранение народа зуни внесли и первые отцы-миссионеры».

Я назвал свой сборник «Орфей» – по имени менестреля, который, как писал Аполлоний Родосский в «Аргонавтике», «пел о том, что земля, небо и море, прежде сплоченные между собой в едином образе, разделились под действием лютой вражды на отдельные существа, и о том, что навеки незыблемый предел имеют в эфире звезды, луна и пути солнца. И как выросли горы и родились шумящие реки, с нимфами вместе и всеми зверями лесными».

Патрик Колум

ЕГИПЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Осирис и Исида. Ра, его нисхождение и восхождение

ОСИРИС И ИСИДА

Когда царствовал Осирис, смерти не было на земле. Мужчины не держали в руках оружие, не было войн. Во всех концах земли звучала музыка; мужчины и женщины говорили настолько благозвучно, и глубина их чувств была так велика, что из уст их выходили только стихи и песни.

Осирис учил людей мудрости и различным искусствам. Именно он первым посадил в землю виноградную лозу; он показал людям, когда и как сеять зерно, как растить фруктовые деревья и ухаживать за ними; как выращивать цветы и радоваться им. Осирис создал для людей такие законы, по которым они могли жить в полной гармонии друг с другом; он дал им знания о богах и показал, как их следует чествовать.

Он дал им знания о богах: вначале был бесформенный хаос – Нун. Из Нуна появился Ра – солнце. Ра был первым божеством. Ра создал формы всего сущего. От его мысли произошли Шу и Тефнут – верхний и нижний воздух. От Шу и Тефнут произошли Геб и Нут – земля и небо. Земля и небо были отделены друг от друга, но некогда они были едины. Из ока Ра, из сущности того, что было в нем, вышли первый мужчина и первая женщина.

И от Геба, отца, и Нут, матери, родился Осирис. Когда он появился на свет, в мире зазвучал голос, который провозгласил, что родился повелитель всего сущего.

Вместе с Осирисом родилась Исида, его сестра. Затем родился Тот, бог мудрости. Потом родилась Нефтида. Последним был рожден Сет неистовый. Он проделал дыру в утробе своей матери. Осирис и Исида полюбили друг друга, стали мужем и женой и вместе правили миром. Мудрый Тот был с ними, он учил людей искусствам счета и письма. Нефтида пошла за Сетом и стала его женой, а жилище Сета было в пустыне.

Сет, пребывая в пустыне, затаил злобу против Осириса, потому что везде на земле росли зеленые растения, которые он ненавидел, – виноград, зерновые культуры, цветы. Много раз Сет пытался уничтожить своего брата Осириса, но всегда его планы разрушала бдительная Исида. Однажды он измерил тело Осириса – снял мерки с его тени – и сделал сундук в точности по этим размерам.

Вскоре, как раз перед началом засушливого сезона, Сет устроил празднество, на которое пригласил всех детей неба и земли. На праздник пришел Тот, мудрейший, Нефтида, супруга Сета, сам Сет, Исида и Осирис. С того места, где они сидели, им было хорошо виден сундук, сделанный Сетом из восхитительно благоухающих сортов дерева. Всем понравился сундук. Тогда Сет, как будто вовлекая гостей в игру, объявил, что подарит сундук тому, кто ляжет в сундук, и окажется, что он сделан как раз по размерам его тела. Дети Геба и Нут по очереди подходили и ложились в сундук, который сделал Сет. Сет подошел и лег в него, Нефтида подошла и легла в него, Тот подошел и лег в него. Для всех он оказался слишком длинным; все, укладываясь в сундук, обнаруживали, что остается еще много места в изголовье или в ногах.

Тогда Осирис снял с головы корону и лег в сундук. Тот идеально подходил к размерам его тела и в длину, и в ширину. Исида, Нефтида и Тот стояли рядом с сундуком и смотрели сверху вниз на лежащего в нем Осириса, на его великолепное лицо и совершенную фигуру. Они поздравили его с приобретением роскошного сундука, который сделал Сет. Сета рядом с ними не оказалось. Вдруг раздался его крик, и его помощники числом семьдесят два ворвались в зал, где происходило празднество. Они накрыли сундук тяжелой крышкой, они вбили

в нее гвозди, они залили ее вокруг расплавленным свинцом. Ни Исида, ни Тот, ни Нефтида не могли прорваться сквозь кольцо, образованное вокруг сундука помощниками Сета. И те, забив крышку гвоздями и запечатав свинцом, взяли сундук и, под предводительством Сета, вышли из зала.

Исида, Нефтида и Тот побежали за теми, кто нес сундук. Но только ночь была темна, и трое детей Геба и Нут потеряли друг друга, а также Сета с его приспешниками. Последние отнесли сундук на берег реки и бросили в воду. Исида, Тот и Нефтида, идя по следам, оставленным помощниками Сета, вышли на берег реки в самый разгар дня, но к этому времени течение уже унесло сундук в море.

Исида пошла по берегу реки, причитая по Осирису. Она подошла к морю и пересекла его, но только она не знала, куда идти и где искать тело Осириса. Она бродила по миру, и, где бы она ни появлялась, толпы детей следовали за ней и помогали в ее поисках.

Сундук, в котором было тело Осириса, вынесло в море. Потом течение прибило его к берегу. На нем была полянка в чаще молодых деревьев, и на нее волны выбросили сундук. Растущее дерево подняло его. Ветви дерева обвили его. Кора дерева обернула его. И выросло дерево, внутри которого поместился сундук.

Земля, где этого произошло, называлась Библ. Царь и царица города, Мелькарт и Астарта, услышали о чудесном дереве, ветви и кора которого испускали чудесный аромат. Царь велел срубить дерево, его ветви обрубили, а из ствола сделали колонну для царского дворца. Исида, пришедшая в Библ, узнала о чудесном дереве, росшем у моря. О нем ей рассказали дети, как всегда прибежавшие к ней. Она пришла на указанное место, обнаружила, что дерево срублено, а из ствола сделана колонна для царского дворца.

Узнав о чудесном аромате, распространявшемся от ветвей и ствола дерева, Исида поняла, что сундук, который она ищет, находится внутри ствола. Она долго оставалась там, где было дерево. Многие пришедшие на то же место видели царственную фигуру, день и ночь стоявшую возле того места, где росло чудесное дерево. Но ни с кем, кто осмеливался приблизиться, она не разговаривала. Тогда царица, услышав о незнакомке, сама пришла к ней. Когда она остановилась поблизости, Исида возложила руку на ее голову, и аромат, исходивший от богини, наполнил тело царицы.

Царица захотела, чтобы незнакомка пошла с ней во дворец. Исида согласилась. Она нянчила ребенка царицы, пребывая в том самом зале, где стояла колонна, заключавшая в себе сундук....

Она кормила ребенка царицы, положив ему в рот свой палец. А ночью она обламывала ветви с колонны, которая росла, словно дерево, и бросала их в огонь, и в этот огонь укладывала ребенка царицы. Огонь не причинял ему никакого вреда, он горел, мягко обволакивая малыша. А Исида, обернувшись ласточкой, летала вокруг колонны и причитала.

Однажды ночью царица вошла в зал, где находилось ее дитя. Она не увидела нигде его няни; зато она увидела своего малыша, лежащего в огне. Она выхватила младенца из пламени и закричала. Тогда Исида заговорила с царицей. Ее голос раздался с колонны, на которой она сидела, обернувшись ласточкой. Она сказала царице, что, если бы ее дитя пролежало в пламени из веток с колонны ту ночь и еще одну ночь, оно обрело бы бессмертие. Теперь же ребенок будет жить долго, но останется смертным. Она открыла царице свою божественную сущность и сказала, что колонна сделана из ствола чудесного дерева.

Царь приказал повалить колонну; ее разрубили, и взорам собравшихся предстал сундук, который Исида так долго и безуспешно искала по свету. Исида завернула сундук в ткань, и его унесли из царского дворца. Ей был дан корабль, и на нем Исида, ни на мгновение не отходявшая от сундука, поплыла в Египет.

Прибыв в Египет, она открыла сундук и вынула тело своего супруга и господина. Онадохнула ему в рот и мановением крыльев (ведь Исида была богиней и, следовательно, могла,

по желанию, обзаводиться крыльями) вернула жизнь Осирису. И там, вдали от людей и всех остальных детей Геба и Нут, Осирис и Исида стали жить вместе.

Но однажды Сет, охотившийся при лунном свете на газелей, застал Осириса и Исиду спящими. В ярости набросился он на своего брата; он разорвал его тело на четырнадцать частей. После этого, взяв куски, раньше бывшие телом Осириса, разбросал их по всей земле.

Смерть пришла в мир с тех самых пор, как Осирис, благодаря коварству Сета, был заключен в сундук; войны пришли в мир, мужчины взяли в руки оружие. Больше не звучала музыка, а речи мужчин и женщин перестали быть благозвучными и исходить из глубин их сердец. Меньше стали плодоносить злаки, плодовые деревья и виноград. Зеленые леса и луга на земле уступили место пустыням. Сет торжествовал: Тот и Нефтида боялись его.

Вся красота и все изобилие, полученное от Ра, могли быть уничтожены, если только куски тела Осириса не будут снова собраны вместе. Итак, Исида вновь отправилась на поиски, и ее сестра Нефтида помогала ей. Исида в тростниковой лодке плыла по болотам, разыскивая части тела своего возлюбленного супруга. Одна часть, потом другая, а за ней еще одна были найдены. В конце концов она нашла все четырнадцать частей разорванного тела. На плавучем острове она сложила все куски вместе и придала им форму тела. И когда тело Осириса снова стало единым, войны на земле прекратились, наступил мир, зерно и виноград и фруктовые деревья снова стали плодоносить.

И услышала Исида голос, который сказал, что Осирис снова жив, но пребывает он в подземном мире, где стал Судией мертвых, и что благодаря справедливости, которой он неуклонно следовал, мужчины и женщины обрели жизнь бессмертную. И у Исиды родилось дитя Осириса, и нарекли его Гор. Нефтида и мудрый Тот воспитывали его на плавучем острове, где он родился. Гор вырос и выступил против власти злобного Сета. В битве он победил и в оковах привел Сета, убийцу своего отца, к Исиде, своей матери. Исида не стала убивать Сета; он все еще живет, но больше не является одним из главных божеств, а его злая сила не столь велика, как в те времена, когда еще не подрос Гор, отомстивший за отца.

РА, ЕГО НИСХОЖДЕНИЕ И ВОСХОЖДЕНИЕ

Жили-были два брата, каждый из которых обладал могучей силой: первого брата звали Эдфу, а второго – Нефер-Ка. Эдфу был воином, и его сила заключалась в его руках, а Нефер-Ка был книжником, он знал заклинания, записанные в книге Тота, бога мудрости, письма и счета. Но вот два брата пришли в дом своего отца, и им стало ясно, как это уже было ясно их отцу, что смерть уже стоит на пороге старого человека.

Итак, их отец послал к книжникам за книгой, где описаны путешествие и испытания души, которые ей предстоят после смерти, он не мог обрести покоя, пока не возьмет эту книгу в руки, пока еще жив. Поэтому он призвал своих сыновей, чтобы они охраняли его от злых духов, которые могли явиться к нему и отобрать силу рук и зоркость глаз, прежде чем он возьмет в свои руки книгу и заглянет в нее собственными глазами – в книгу, которая называлась Книгой мертвых.

Оба сына поклялись, что будут сдерживать злых духов, при этом один подумал о силе, заключенной в его руках, а другой – о силе, заключенной в знании известных ему заклинаний. Быстроногие посланцы устремились к книжникам, чтобы возвратиться с утренней зарей.

Итак, Эдфу пошел и встал на восточной стороне дома, он весь подобрался, словно пантера, изготовившаяся к прыжку. А его брат Нефер-Ка пошел и встал на западной стороне дома, напряженно-внимательный, словно ястреб Гора.

Это был час, когда Ра, бог солнца, спускается вниз в подземный мир. И воин, следя за этим спуском, думал о мести Ра, и то, что он думал, приводило Эдфу в волнение и не давало ему покоя.

Воин так рассуждал: сейчас над Ра люди смеются и говорят: «Ра правил нами сотни лет, он стал старым и дряхлым, его кости как серебро, а его плоть – как золото. Кто такой Ра сейчас, чтобы считаться нашим хозяином?»

А в это время Ра, слушая такие разговоры людей, думал: «Эти люди, которые сейчас насмеются надо мной, убегут в горы и пустыни, стоит мне насрать на них мою дочь Сехмет». И воин, наблюдая за востоком, вспомнил, как выглядит Сехмет.

Она имела голову львицы и тело женщины. По приказу отца она выступила против людей, и ее голос звучал страшно. Она наполнила реки, вместо воды, кровью человеческой. И воин, вглядываясь в ночь, представлял людей, убегающих от львиноголовой богини, как от армии фараона. Они не могли найти убежища в ни горах – горы не прятали их, ни в пустынях – пустыни не укрывали их. Сехмет убивала и убивала, и ее голос грохотал, словно львиный рык. Те, к кому она не подошла достаточно близко, чтобы убить, были охвачены паникой. Так Сехмет прошла по землям египетским.

Воин представил себе, что случилось после. Ра сжался над людьми и пожелал спасти их от ярости Сехмет. Но даже Ра не мог уберечь людей от львиноголовой богини. Она должна была сама перестать убивать. Ра задумался, как этого добиться. В конце концов он велел Тоту, который был его советником, созвать всех посланцев, быстрых, словно грозные тучи. Тот выполнил приказ, и посланцы предстали перед великим Ра.

Он сказал посланцам:

– Отправляйтесь на Элефантину; и поспешите; принесите мне растение, которое вызывает сон, а именно мандрагору³. Будьте быстроногими, поскольку то, что должно быть сделано, должно быть сделано до рассвета.

³ По другой версии, это был плод какади.

Посланцы побежали быстро, словно грозовые тучи. Они прибыли на Элефантину; они взяли растение, которое вызывает сон, а именно мандрагору. Алым был плод, и сок его был цвета человеческой крови. Посланцы доставили плод к трону Ра.

Тогда боги и богини, даже Шу, чье место было в верхнем воздухе, и Геб, и Нут, и Нун, от которых произошел сам Ра, даже эти великие боги растолкли ячмень и сделали пиво. Семь тысяч мер пива сделали боги. Они готовили его в большой спешке, потому что рассвет был близок; с пивом они смешали сок мандрагоры. Ра увидел, что смесь похожа на человеческую кровь, и сказал:

– Этим пивом я спасу человечество.

Боги взяли семь тысяч мер пива и на исходе ночи принесли туда, где мужчины и женщины были убиты Сехмет, львиноголовой богиней. Они полили пивом поля, его цвет был как кровь.

А потом явилась Сехмет, готовая убивать. Она шла и смотрела то в одну сторону, то в другую – выискивала добычу. Ни одного живого существа не заметила она. Поля были залиты пивом, которое было цветом похоже на человеческую кровь. Сехмет рассмеялась. Ее смех был похож на рычание львицы. Сехмет подумала, что именно она пролила всю эту кровь. Она остановилась, увидела свое отражение в луже крови и рассмеялась снова. Она остановилась и выпила пиво, думая, что пьет кровь. Она еще много раз останавливалась и пила снова и снова. Но больше она не смеялась, потому что сок растения, вызывающего сон, уже овладел ее мозгом. Она больше не могла убивать. И она пошла, когда Ра позвал ее. Он сказал:

– Приди, дочь моя, приди, моя хорошая, приди и отдохни.

Львиноголовая богиня легла отдохнуть, и человечество было спасено от истребления.

Эдфу, воин, смотрел на восток, и – что это? Он увидел, как по небу разлилось красное сияние, похожее на красное пиво, которое покрывало поля, когда Сехмет, львиноголовая богиня, увидела в нем свое отражение. И Эдфу стоял подобравшись, словно изготавившаяся к прыжку пантера, готовый отразить нападки любого злого духа, который может попытаться войти в дом его отца с недобрыми намерениями.

А на западной стороне дома стоял книжник Нефер-Ка; его губы были готовы произнести заклинания, которые он хорошо изучил. Он вел наблюдение с момента захода солнца, то есть с момента ежедневной смерти Ра.

А Ра, уже мертвый, лежал в барке, которая называлась Семектет, лодке, имевшей длину семьсот и еще семьдесят локтей. Нефер-Ка, книжник, знал, какое путешествие предстоит совершить Ра. Мысленно он следил за его передвижением по подземному миру.

Вот барка Семектет, в которой возлежит мертвый Ра, следует через царство мертвых. Двенадцать богинь ночи занимают свое место в лодке, чтобы охранять Ра. Вместе с ними Упуаут – привратник, открывающий ворота. С ними и Исида, супруга Осириса – та, которой ведомы самые сильные заклинания.

Медленно движется барка Ра, следуя через царство мертвых. Каждая его область, которых числом двенадцать, имеет большие ворота. Страж каждого часа произносит имя, при этом ворота открываются, и лодка, в которой возлежит мертвый Ра, проходит через них. И когда богиня первого часа уступает место богине второго часа, и когда богиня второго часа уступает место богине третьего часа, лодка Ра, называемая Семектет, попадает туда, где царствует Осирис.

Затем, думая о том, что происходит во время третьего часа в третьей части царства, книжник Нефер-Ка взглянул в небо, и что же он увидел? Небо было покрыто вечными звездами, которые являются душами тех, кого оправдал Осирис.

В царстве Аментет правит Осирис, Осирис – бог мертвых. Все умершие предстают перед его троном на суд. Их сердца кладутся на весы, на другой чаше которых – перо правды. Трон Осириса стоит у стремительного ручья, из вод которого поднимается одинокий цветок лотоса. На цветке стоят четверо детей Гора, сына Осириса, их лица повернуты к Осирису. Первый

имеет лицо человека, второй имеет лицо обезьяны, третий имеет лицо шакала, четвертый имеет лицо птицы. Сердце умершего человека кладется на весы, на другой чаше которых – перо правды. Если сердце человека отягощено злодеяниями, оно перевешивает и тянет чашу весов вниз. Если же человек чист, сердце поднимается, а перо опускается. Тогда Тот, бог письма и счета, берет сердце и снова вкладывает его в грудь человека; Гор берет человека за руку. Все это книжник Нефер-Ка видел так же ясно, как если бы это происходило в его присутствии, потому что он прочитал об этом в книге, называемой Книгой мертвых.

Богиня третьего часа уступает место богине четвертого часа, и барка, в которой лежит Ра, прибывает к следующим воротам. Произносится имя стража ворот, ворота открываются, и барка попадает внутрь следующей области. Эта область – пустыня. Четвертый час истекает, наступает пятый час. Богиня пятого часа произносит имя, и барка, называемая Семектет, входит в пятую область подземного мира.

Охраняют эту область существа, чьи тела – это тела львов, а лица – лица людей; они взрывают песок когтями, которые есть когти орлов. Свиристый Сокар правит в этом царстве. Он и сам стоит здесь же, он, имеющий голову сокола и тело человека.

Богиню пятого часа сменяет богиня шестого часа. Она произносит имя, и ворота распахиваются настежь. И тогда барка входит в царство, имя которому – Бездна вод. Это шестая область царства мертвых.

Думая об этом, книжник понимал, что истекает шестой час. Смотри! Теперь утренняя звезда, которая ведет барку Ра дальше, появилась на небесах. Именно этот, шестой час – самый тяжелый для людей. Ведь в Бездне вод пребывает страшный змей Апоп, который обвивает мир своими кольцами и терпеливо ждет, чтобы уничтожить Ра – дарителя света и жизни, и погрузить мир в непроглядный мрак. Когда барка Ра движется по шестой области подземного мира, те, кто в лодке, внимательно следят за берегами и видят там силуэты богов и богинь. Боги громко кричат, когда барка с безжизненным Ра проплывает мимо; их голоса, громкие, как рев быков, пролетев над мрачной бездной, кажутся не громче, чем жужжание пчел. Чудище Апоп шипит и ревет, он хочет разорвать свои оковы. Но теперь место рядом с Ра занимает Исида. Ее чары побеждают, и монстр теряет силу. Барка плывет дальше мимо обширной песчаной отмели, где Апоп отчаянно пытается освободиться.

В седьмой час лодка проплывает по области тьмы и холода. Здесь властвует Хепри, обновитель. Здесь можно видеть огромную свившуюся кольцами змею с пятью головами, а внутри ее колец – Хепри. Обернувшись скарабеем, он летит в лодку Ра; он ждет времени, когда сможет вернуть ему жизнь. Дальше плывет лодка; богиню седьмого часа сменяет богиня восьмого часа. И барка входит в область, где находятся гробницы богов. Гробницы стоят у реки; они представляют собой высокие песчаные курганы; на каждом конце каждой гробницы голова человека наблюдает за движением лодки Ра. И гигантский лев появляется из темноты.

Восьмой час проходит; за ним проходит девятый час и десятый, и барка Ра входит в одиннадцатую область.

Книжник Нефер-Ка вспомнил, что он знает об этой области. Ее опасаются те, кто отвергнут Осирисом. Рядом находятся огненные ямы. Огнедышащие богини держат в руках сверкающие мечи огня. Книжник поднял голову и увидел в небе то, что казалось отражением огненных ям.

Богиня одиннадцатого часа уступает место богине двенадцатого часа. Произносится могущественное имя, и открываются последние ворота. Теперь Хепри соединяется с Ра и возвращает ему жизнь. Между бирюзовыми столбами появляется барка Ра. И где проплывает барка, раскинулся великий остров, на котором отдыхают боги. Там находится Древо жизни, растущее между океаном и небом, между верхним и нижним миром. Его плоды позволяют богам и душам людей, оправданных Осирисом, оставаться вечно молодыми; прошлое, так же

как и будущее, начертано на его листьях. И когда барка подходит к нему, а в ней стоит оживший Ра, боги сбегаются, словно собаки, к его ногам и приветствуют его.

Обновленное солнце снова показывается людям. Книжник Нефер-Ка протягивает руки к яркому диску и поет свое приветствие великому Ра:

Он повелел, и родились боги.
Люди вышли из его очей, а боги изо рта.
Это он создал траву для скота и фруктовые деревья для людей;
это он создал реки для рыб и небеса для птиц.
Это он вдохнул жизнь в яйцо, и дал пищу сыну червя, и сотворил
многообразие насекомых.
Это он дал пищу мышам в норах и птицам на каждом дереве.
Ради любви к нему течет Нил; почитаемый и обожаемый, когда
он встает, люди начинают жить.
И этот главный из богов открывает свое сердце тому, кто в нем
нуждается.
Он защищает боязливого человека от нападающего.
Поэтому его любят и почитают все живущие в небе, на земле
и в глубинах моря.
Боги склоняются перед его величием и превозносят их творца.
Они радуются при виде его, того, кто является их отцом.
Будь славен, говорят дикие звери. Будь славен, говорит пустыня.
Твоя красота покоряет мир.

В лучах восходящего солнца книжник Нефер-Ка увидел посланцев, приближающихся к дому его отца, один из них нес в руке книгу, где описано путешествие и испытания, которые ожидают умершего. И вот его брат Эдфу говорит, что в руках еще живого отца хватило силы, чтобы взять книгу, а в глазах осталось достаточно зоркости, чтобы прочитать, что в ней написано.

БАВИЛОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Начало. Гильгамеш. Рассказ об Утнапишти и потопе, который уничтожил все, что было на земле. Сошествие Иштар в подземный мир

НАЧАЛО

Вначале были Апсу – первозданность и Тиамат – хаос. Больше не было никого. Воды не были разделены; они и земля были перемешаны, и не было тверди, на которой могло бы что-то произрастать. Тогда не было имен и названий, судьбы не были предопределены.

Затем появились боги: Лахму и Лахаму. Шли века. Появились и другие боги: Аншар и Кишар. Шли века. Появились Эйа, Ану и Бел.

Боги думали, как можно разделить воды, отделить землю от воды, дать имена и предопределить судьбы. И пока боги размышляли об этих вещах, царство Тиамат, матери всех, стало для нее мало. Она затаила ненависть к богам. Вместе с Апсу она решила уничтожить тех, кого родила.

Взгляните! Тиамат вызвала к жизни ужасных древних чудовищ, она породила монстров, неведомых ранее. Она приготовилась уничтожить богов. Боги почувствовали, что их царство пошатнулось, и испугались.

Тогда Анштар разомкнул уста и заговорил со своим сыном Ану. Он сказал Ану:

– Иди и умиротвори Тиамат, чтобы боги не были уничтожены той, которая их родила.

Ану пошел и увидел ужасных чудовищ, порожденных Тиамат. Они заставили его сердце содрогнуться, и он повернул обратно в жилище богов. Их сердца тоже наполнились страхом, когда они увидели выражение лица Ану.

Тогда Эйа был послан умиротворить Тиамат. Он увидел вызванных ею к жизни ужасных древних чудовищ. У них были острые зубы и страшные клыки; они несли не знающее пощады оружие. Эйа испугался и повернул обратно в жилище богов. Те взглянули на выражение его лица и тоже почувствовали страх. Менее значительные боги стали громко плакать, вопрошая:

– Что изменилось и почему она затаила ненависть к нам? Мы не можем понять злую волю Тиамат.

Тогда Мардук, подчиняясь зову сердца, встал среди богов. Он открыл уста и заговорил:

– И вот я, Мардук, стану победителем среди богов, если только вы на своем совете решите следующее: что бы я ни сделал, останется неизменным, что бы мои уста ни произнесли, никогда не будет изменено или признано бесполезным.

И боги сказали:

– Ты будешь главнейшим среди великих богов; пусть станут законом твои слова. Неоспоримыми будут твои приказы, никто из богов не станет нарушать твои законы! О, Мардук, ты – победитель.

Они приготовили для него роскошное жилище, они даровали ему скипетр, трон и перстень. Боги дали победителю оружие: лук и копье. Они вложили в его правую руку дубину, и он взял ее; они повесили ему на бок колчан. Он сам приготовил огромную сеть, чтобы поймать монстров, порожденных Тиамат, и ужасных древних чудовищ, которых она пробудила к жизни.

Тиамат была в ярости; она была полна гнева против богов. Она сделала своих чудовищ ужасными и величественными, их увенчанные гребнями головы были высоко подняты. Она дала им непобедимое оружие. Их тела, вместо крови, были наполнены ядом. Жилища богов

содрогнулись, когда она дала своим воинам боевой сигнал: Тиамат произнесла заклинание, поднявшее их на битву.

Тогда Мардук поднялся в свою колесницу. В руках он держал гром и молнию. Боги взирали на него и знали, что никто не мог бы вызвать больший ужас, чем он. Он запряг четверых своих коней и впряг их в колесницу. Свирепыми, смелыми и быстроногими были кони Мардука; более того, они были научены затаптывать врагов. Они щелкнули зубами, и их туловища покрылись пеной. Итак, Мардук двинулся вперед, и семь созданных им ветров летели следом. Это были Шторм и Ураган, Смерч, Четырехкратный ветер, Семикратный ветер, Ветер, не имеющий равных, и ветер, называемый Злым. Боги следовали за Мардуком.

Теперь, когда Мардук приблизился к месту обитания Тиамат, движение ее орды остановилось. Монстры были испуганы появлением Мардука. Но Тиамат бросилась вперед; она испускала злобные крики; не склоняя головы, она бросала богам обидные упреки. Все сущее содрогнулось.

Мардук выпустил Злой ветер. Рот Тиамат был открыт, ветер влетел в него и наполнил ее живот. Она упала и больше не могла выкрикивать боевые приказы монстрам. Мардук пронзил копьем сердце Тиамат. Он наступил на ее распростертое тело. Затем он раскинул вокруг свою сеть и поймал в нее чудовищ. Весь мир наполнился их криками.

Он растоптал Тиамат, и она, мать всего сущего, стала похожа на сломанный тростник. Дубиной он разбил ее череп. Он прорезал отверстия, чтобы из нее вытекла кровь, и приказал ветрам унести ее кровь прочь в тайные места.

Как человек разделяет свежую рыбу, так и Мардук разделал тело Тиамат. Он установил одну половину ее тела наверху и создал небеса; он предусмотрел засовы, чтобы влага, которая наверху, не лилась беспрепятственно вниз; и еще он поставил дозорного, чтобы следил за засовами. Из другой половины тела Тиамат он создал землю. Он поделил все, что было создано, между Ану, Белом и Эйа – небеса, землю и преисподнюю. Он поставил звезды на свои места, создал год и разделил его на части. Он заставил бога-луну светить и отдал ему ночь в качестве его доли.

После этого Мардук разработал план. Он разомкнул уста и заговорил с Ану, Белом и Эйа. Он сказал:

– Я возьму мою кровь и придам форму кости; я создам человека, который заселит землю и всегда будет служить богам.

Так сказал Мардук, и человек стал жить на земле.

ГИЛЬГАМЕШ

В храм, где жила его мать, пришел Гильгамеш. Когда она, взглянув на выражение его лица, поняла, что он собирается отправиться в какое-то опасное путешествие или сотворить некое ужасное деяние, то обратилась к богу солнца Шамашу и спросила, почему он дал ее сыну сердце, которое никогда не знает покоя. Гильгамеш, услышав ее крик, сказал:

– Спокойно, женщина. Я – Гильгамеш, и я должен все увидеть, все узнать и все понять.

Тогда мать сказала ему:

– Эти твои желания и стремления происходят оттого, что ты не весь смертен. На две трети ты бог и только на одну треть человек. Именно божественная плоть заставляет тебя быть отважным и беспокойным. Но, увы, мой сын, тебе все же предстоит умереть. Ты не бессмертен. И ты умрешь, потому что часть тебя – плоть человеческая. Да, Гильгамеш, ты умрешь и уйдешь вниз в дом пыли.

И Гильгамеш, услышав слова своей матери, застонал громко, ужасно; слезы хлынули по его щекам, никакие слова не могли его успокоить. Он стонал, он рыдал, не обращая внимания на то, что во дворе храма женщины пели:

Кто же красив среди героев,
Кто же горд среди мужей?
И одна другой отвечала:
Гильгамеш красив среди героев,
Гильгамеш горд среди мужей.

Через некоторое время он встал и спросил:

– О, Нинсун, о, моя мать, что значит умереть?

И Нинсун, его мать, ответила. Она сказала:

– Это значит уйти в обитель мрака, откуда еще никто никогда не возвращался; это значит уйти в темную бездну ужасной богини Иркаллы. Те, кто там обитают, никогда не видят света; для живущих там существ «пища – прах, и еда их – глина».

Гильгамеш жил в Уруке, был там царем и правил людьми. Работы, которые он выполнял в Уруке, были громадными, превосходящими возможности людей. Он строил стены вокруг города, которые были в толщину больше ста локтей. Он возводил башни, которые были выше всех, построенных человеком раньше. Он строил великолепные корабли, которые уходили в далекие моря. Все это Гильгамеш делал, потому что имел беспокойное сердце. Но люди Урука стонали, поскольку работы, которые их вынуждали выполнять, были для них непосильными. Они роптали и возносили молитвы богам.

Боги слышали молитвы людей Урука. Они сказали на совете богов:

– Гильгамеш заставляет людей работать свыше их сил. Жизнь уходит из их тел, они больше не могут приносить жертвы богам. Он возлагает на них столько работ, потому что только один в мире обладает могуществом. Но если мы создадим кого-то, кто будет могущественнее, Гильгамеш будет смущен, увидев его, и больше не будет думать, что он господин мира. Тогда он не станет занимать людей работами, не давая им ни минуты отдыха.

Боги призвали богиню Аруру. И Аруру придумала, как создать существо более могущественное, чем Гильгамеш. После этого она вымыла руки, взяла глину и замесила ее со своей слюной. И так Аруру создала существо, живого мужчину, похожего на бога Ану. Его тело было покрыто шерстью, и казалось, что он одет в листья. Боги назвали его Энкиду, и ему отдали для жизни самые дикие места на земле.

И Энкиду, обладавший могучим телосложением и непобедимой силой, жил в отведенных ему диких местах. Гильгамеш проходил через земли, где жил Энкиду, но не видел его. Гильгамеш шел через его земли, чтобы воевать с Хумбабой, который жил в стране кедровых лесов. Те, кто были с ним, испытали благоговейный страх, увидев растущие очень близко друг к другу величественные кедры. Солдаты Гильгамеша были измучены долгим путешествием и владевшим ими страхом, они молили богов освободить их от царя, сердце которого не знает покоя. Они подошли к Хумбабе, чей голос был похож на рев бури, чье дыхание было как порыв ветра. Солдаты Гильгамеша вступили в сражение с армиями Хумбабы, и Гильгамеш сам бился с Хумбабой и убил его собственными руками. А потом Гильгамеш и его армия прошли по стране, где обитал Энкиду, но его они не встретили. А Энкиду пил воду, которую пили дикие звери, ел травы, служившие пищей газелям. Он дружил с животными и никогда не видел человеческого лица.

Когда же Гильгамеш, победив Хумбабу, вернулся в свой город Урук, он услышал, как женщины во дворце поют:

Кто же красив среди героев,
Кто же горд среди мужей?
И одна другой отвечала:
Гильгамеш красив среди героев,
Гильгамеш горд среди мужей.

Но он вспомнил, что ему было сказано о доме мрака и бездне богини Иркаллы, он застонал, и по его лицу потекли слезы.

В кедровом лесу жил охотник, молодой человек, копавший ямы и раскидывавший сети на диких животных, водившихся в горах. Однажды, ожидая найти в ямах и сетях много добычи, он отправился к ним – но что это? Ямы оказались засыпанными, а сети порванными. Добыча исчезла. Потом молодой человек пошел вверх по склону горы и, приблизившись к одной из выкопанных им ям, насторожился: в яме что-то было. Он увидел плечи и голову человека. Он проследил, как человек выбрался из ямы; на его плечах была газель, упавшая в эту яму. Но что это? Станный человек пошел туда, где невдалеке паслось небольшое стадо газелей, и они не испугались. Он опустил на землю газель, которую нес на плечах, и она присоединилась к остальным. После этого человек вернулся, наполнил яму землей и большими шагами удалился в сторону леса. Охотник увидел, что человек обнажен и его тело покрыто шерстью, а волосы на голове длинные, как у женщины. Охотник испугался и предпочел удалиться. Он направился к другим ямам и обнаружил их все засыпанными землей. В них не было никакой добычи, так же как и под сетями, которые он расставил.

Тогда охотник забеспокоился. Он спросил себя: «Что со мной станет? Я не умею обрабатывать землю, и я не знаю другого способа добыть себе пропитание, кроме охоты – моих ям и сетей. Как я смогу найти еду для себя и своих родителей?» Он плакал, когда говорил это самому себе, и, так и не найдя добычи, отправился обратно в хижину, где жил его отец.

Отец юноши услышал эти слова и задумался.

– Это некто, проявляющий дружелюбие к зверям, но не знающий людей, – сказал он. – То, что он сделал, он будет повторять снова и снова, и для нас не останется добычи в ямах или под сетями. Поэтому мы должны выжить его с этого места. Ты часто приносил животных в храм Урука для принесения в жертву Ану, Иштар и другим богам. Иди в этот город, где правит могущественный Гильгамеш, и пусть тебе дадут женщину, которая вернется с тобой. Когда тот, кто никогда не видел человеческого лица, увидит женщину и то, как она снимает с себя одежды, он будет изумлен; он подойдет к женщине, и она будет говорить с ним, и уведет его с этого места.

Молодой охотник сделал все так, как сказал его отец: он пошел в Урук, город, где правил Гильгамеш, и вошел в храм. Он заговорил с Нинсун, матерью Гильгамеша. Услышав его рассказ, мать Гильгамеша привела к нему женщину; она вложила руку женщины в руку охотника, и молодой человек повел ее из города в горы, где он впервые встретил Энкиду.

Именно тогда богиня Иштар предстала перед Гильгамешем во всей своей ужасной красе. Она сказала ему:

– Ты, Гильгамеш, станешь моим мужчиной, а я буду твоей женщиной. Ты придешь ко мне в дом, и те, кто восседают на тронах, будут целовать твои ноги. Перед тобой будут складывать дары, принесенные с гор и долин. По моему велению для тебя запрягут колесницу из золота и лазурита; ее колеса будут золотыми, а рожок украшен драгоценными камнями. В нее будут впряжены могучие лошади, они будут гордо гарцевать, и ни у кого не будет лошадей, как те, что ходят под твоим ярмом. Все это будет дано тебе, когда ты в благоухании кедра войдешь в мой дом.

И Гильгамеш ответил богине; в гневе заговорил он, обращаясь к Иштар, прекрасной и ужасной. Он сказал:

– Твои любовники погибли. Ты – жаровня, что гаснет в холод, черная дверь, что не держит ветра и бури, дворец, обвалившийся на голову герою, слон, растоптавший свою попону, смола, которой обварен носильщик, плита, не сдержавшая каменную стену, таран, предавший жителей во вражью землю, сандалия, жмущая ногу господина. Любовь твоей юности – Таммуз, даже он уничтожен; уничтожены все мужчины, с которыми ты имела дело. Существа, попадающие под твое влияние, радуются, но радоваться им приходится недолго. Благодаря тебе сломано крыло птицы, уничтожен лев, до смерти загнана лошадь. Ты говоришь, что любишь меня, Иштар. Если это так, я буду бояться так же, как боялись они.

Услышав слова, произнесенные Гильгамешем, сердце Иштар наполнилось гневом. Она покинула место, где он жил. Она замыслила против него злое деяние. Через некоторое время она создала огнедышащего быка и отправила его в Урук, чтобы уничтожить Гильгамеша и его народ.

А тем временем молодой охотник вернулся в горы, где копал ямы и расставлял сети. Он привел с собой женщину. Он посадил ее возле водоема, куда звери ходят на водопой; он попросил ее позвать к себе дикого человека, если он придет напиться вместе с животными.

После этого охотник ушел. Женщина села у водоема и начала заплетать волосы в длинные косы. Один за другим животные приходили на водопой, но, почувствовав запах человеческого существа, убегали.

В конце концов к водоему пришел Энкиду, дикий человек. Он не обладал таким острым чутьем, как животные. Он подошел к месту водопоя и наполнил ладони водой, и поднес их ко рту, и выпил воду. Женщина увидела его, его мощное телосложение, развевающиеся волосы, длинные, словно у женщины, шерсть на теле, похожую на одеяние из листьев. Она окликнула его, она заговорила, и Энкиду услышал ее голос.

Энкиду увидел женщину; она протянула к нему руки, она сняла свои одежды. Энкиду был потрясен. Он пошел к ней, и она взяла его руку и повела прочь. Он попал под чары женской красоты: он не оставит ее, но останется там, где будет она, на опушке леса. На шестой день Энкиду встал и пошел оттуда, где была она. Его сердце тосковало, он хотел увидеть диких зверей, друзьями которых был. Он пошел туда, где гуляли стайки газелей. Но газели убежали от него. Он пошел туда, где пасся дикий скот, но скот разбежался, лишь только он подошел. Он пошел туда, где были пантеры, но и пантеры убежали, лишь только он приблизился. Энкиду был ранен в самое сердце. Он закричал:

– Почему мои друзья-животные покинули меня?

Он не знал, что животные чувствуют исходящий от него запах другого человека. Куда бы он ни пошел, звери убегали от него. Тогда Энкиду почувствовал стыд; колени под ним подогнулись, и от стыда он упал в обморок.

Когда он снова встал на ноги, то снова пошел туда, где оставалась женщина, и звери продолжали от него разбегаться. Женщина ждала его; она улыбнулась ему, протянула к нему руки, сказала лстивые слова. Энкиду остался с ней, и она рассказала ему об Уруке, о храме и о Гильгамеше всемогущем. И она повела его в Урук, город Гильгамеша.

Именно тогда Гильгамеш боролся с огнедышащим быком, которого Иштар, охваченная злобой, послала против него и его народа. Многие жители города уже были уничтожены быком. Гильгамеш – даже он – не мог справиться с этим небесным созданием. Он всадил стрелу в шею быка. Но животное продолжало нападать, и Гильгамешу пришлось бежать от него.

И бык оказался на дороге, по которой шел Энкиду вместе с женщиной. Он ухватил быка за рога и держал. Тогда пришел Гильгамеш и стал наносить быку мощные удары между рогами и шеей; когда же бык хотел растоптать его, Энкиду, обладавший великой силой, оттаскивал его. Гильгамеш и Энкиду снова и снова шли на быка. Долго сражались они со свирепым огнедышащим чудовищем, и в конце концов вместе они убили могучее создание Иштар.

Богиня предстала перед героями. Она прокляла их за то, что они уничтожили небесного быка. И Энкиду, не ведавший страха перед богами и перед людьми, вырвал плоть из бычьего бока и бросил ее к ногам Иштар. Богиня и все женщины причитали над плотью быка, которая была брошена им.

Но Гильгамеш созвал народ своего города. Он показал людям чудовище, которое было убито. Они посмотрели, и они ужаснулись размеру рогов, ведь это были рога, которые могли вместить шесть мер масла. Гильгамеш отнес рога быка в храм бога Лугальбанды и повесил их перед священным местом бога. Он подружился с Энкиду. И он, и Энкиду спустились к реке Евфрат, и они омыли свои тела, и они вернулись и остановились на рыночной площади. Все люди восхищались могучей статью этих двоих, Гильгамеша и Энкиду. Гильгамеш отвел Энкиду в свой дворец; он дал ему стул; и он посадил его по левую руку от себя; он дал ему пищу, пригодную для богов, и вино, пригодное для царей. Эти два могущественных человека стали друзьями и очень полюбили друг друга.

Вместе Гильгамеш и Энкиду охотились; вместе они воевали; лев и пантера пустыни падали под их стрелами. И наконец люди Урука смогли отдохнуть от непосильных трудов, ведь Гильгамеш больше не заставлял их возводить гигантские строения, и они получили мир, ведь больше он не вел их на войну с народами далеких земель.

Пришло время, когда Энкиду затосковал о жизни в лесу. Туда он и отправился. И Гильгамеш, узнав, что его друг ушел из Урука, надел на себя грубое одеяние. Он облачился в шкуру льва, и он последовал за Энкиду. И Энкиду был рад этому, ведь он знал, что его друг, благородный Гильгамеш, не покинет его. Вместе они жили в лесу; вместе охотились и все больше и больше привязывались друг к другу.

Потом Энкиду приснился сон, ужаснувший его. Он видел во сне гром в небесах и сотрясение земли. Он видел, как перед ним появилось существо и схватило его когтями, и то были когти орла, и унесло оно его вниз в страшную бездну. Там Энкиду увидел существа, которые были царями, когда жили на земле, он увидел призрачные фигуры, приносящие жертвы богам. Он увидел в доме мрака священнослужителей, волшебников и пророков, и они там жили. Он увидел там Белит-сери, которая ведет запись всех событий на земле.

Энкиду был в ужасе; он не знал значения своего сна. И он пошел к Нинсун, и он рассказал ей свой сон. Она плакала, слушая его, но не объяснила его значения.

После этого Энкиду лег на роскошную кровать, которую дал ему его друг Гильгамеш. Он стонал, лежа на кровати. Гильгамеш подошел, чтобы его успокоить. Только Энкиду, хотя и обрадовался приходу друга, не мог выбросить из головы те страшные вещи, которые приви-

делись ему во сне. В течение десяти дней лежал он на кровати, и Гильгамеш находился рядом. Через два дня его болезнь стала еще более мучительной. А потом Энкиду затих, и сказала Нинсун сыну, что Энкиду умер.

Долго смотрел Гильгамеш на Энкиду, своего друга во дворце, спутника в охоте в горах и в лесу, отважного союзника в борьбе против огнедышащего быка. Долго смотрел Гильгамеш на своего друга, лежавшего неподвижно. И сказал Гильгамеш:

– Что за сон овладел тобой? Ты смотришь безучастно и меня не слышишь. Охватит ли такой же сон и Гильгамеша? Быть может, я тоже лягу и буду как Энкиду? В мою душу вошла печаль. Из-за страха смерти, явившегося ко мне, мое сердце не знает покоя. Я уйду. Я буду странствовать по другим землям.

Гильгамеш коснулся груди друга и почувствовал, что сердце его не бьется. Нежно, словно невесту, Гильгамеш укрыл Энкиду. Он отвернулся. В горе он ревел, словно лев или львица, у которой отобрали детенышей. И когда его крики стихли, его мать сказал ему:

– Чего ты желаешь, сын мой, и что может уменьшить твою горе и успокоить сердце?

И ответил Гильгамеш:

– Мое желание – избежать смерти, которая забрала Энкиду, моего друга.

Его мать сказала:

– Только один избежал смерти, это Утнапишти, твой предок.

РАССКАЗ ОБ УТНАПИШТИ И ПОТОПЕ, КОТОРЫЙ УНИЧТОЖИЛ ВСЕ, ЧТО БЫЛО НА ЗЕМЛЕ

В храме были таблички, на которых была записана история Утнапишти, о нем, получившем бессмертие от богов. На этих табличках были слова самого Утнапишти. Вот эти слова:

«Я жил в Шуриппаке, городе солнца, городе, который был очень стар, и в нем жили боги. Боги решили уничтожить человечество ветром и водой так, чтобы на земле не осталось ничего живого. Ану, отец богов, был там, когда боги обдумывали это, и Энлил, воин богов, и Энурта, посланец богов. Но боги подумали еще раз и решили оставить на земле живым одного мужчину и его семью.

Эйа явился туда, где находился я. Он крикнул мне, когда я спал; он крикнул мне выйти из дома и построить корабль; он крикнул мне бросить все мои пожитки и спасти жизнь.

Он сказал мне о размерах корабля, который я должен построить; он сказал мне о количестве зерна, которое я должен взять с собой. Он приказал, чтобы я выступил перед старейшинами и жителями города, и сказал, что Энлил затаил злобу против них и что он намерен их уничтожить. Тогда я сказал Эйа:

– Куда я должен плыть, когда построю корабль?

И он ответил:

– К богам; доверь свой корабль течению и ничего не бойся.

Я поговорил со старейшинами и жителями города. Они посмеялись надо мной. Я собрал вокруг меня слуг и начал строить корабль. Я сделал его сто и двадцать локтей в длину; я хорошо просмолил его; я снабдил его мощным рулем. И когда корабль был построен, я погрузил в него зерно и взял на борт семью. Разные звери из лесов и полей, а также птицы тоже пришли на борт. Они пришли парами. Когда все было готово, передо мной явился бог Шамаш. Он сказал мне, что вечерней порой на землю обрушатся потоки воды.

Вечером начался ливень. Я смотрел, как стучится темнота и начинается непогода. Мною владел ужас. Я пошел туда, где была моя семья, а также пары птиц и зверей, и я тщательно запер двери; да, я закрыл девять частей, на которые разделил внутреннее помещения корабля, и предоставил корабль божьей воле.

Затем показалась черная туча, и из черной тучи и смерча громыхали боги. Звездные боги южного неба угрожающе размахивали своими факелами. Каждый проблеск света проглатывала темнота. С небес лились потоки. Воды напали на человека, словно в великой битве. Отцы больше не видели своих детей; брат больше не видел брата. Дождь лил до тех пор, пока воды не поднялись до вершин гор. Когда же они поднялись, боги сами почувствовали страх; они ушли со своих мест; они направились высоко в небеса к Ану. Богиня Иштар кричала, как женщина в родовых муках. Да, Иштар стенала, сетуя на то, что говорила о потопе в присутствии богов. Боги южного неба рыдали вместе с ней, и шесть дней и шесть ночей дождь заливал и ветер бил все, что оставалось на земле.

Но после седьмого дня бушующие потоки исчезли; смерчи и бури стихли, и вода больше не поднималась. Я посмотрел на воду; я увидел, что спокойствие снизошло. Спокойствие снизошло, но земля лежала под водой, а человечество превратилось в грязь. Я наклонился; я упал лицом вниз, и по моему лицу потекли слезы. Я взглянул в направлении всех четырех сторон света, и я увидел только открытое море. Двенадцать дней корабль плыл. Корабль остановился у горы Низира и больше не двигался.

И когда через семь дней корабль все еще стоял, я открыл отдушину, и моего лица коснулся луч света. Я выпустил голубку. Голубка вернулась, потому что не нашла места, чтобы сесть. Я выпустил ласточку. Ласточка тоже вернулась. Я выпустил ворону. Ворона не верну-

лась; она увидела землю, появившуюся под спадающей водой; она поела, она поклевала землю, она закаркала и больше ко мне не вернулась.

Тогда я вынес все, что было на корабле; я принес все туда, где дули четыре ветра. Я предложил жертву. Я совершил возлияние там, где стоял, на вершине горы. И там ко мне явилась богиня Иштар, она проклинала Бела за то, что он наслал потоп.

Бог Бел был в гневе, увидев, что часть человечества уцелела после потопа. Он бушевал. Он кричал:

– Никто не должен остаться в живых; ни один человек не должен быть живым среди всеобщего разрушения!

Но бог просил Бела пощадить человечество, и Бел сдался. Тогда бог Эйа пришел на корабль, он взял меня за руку и повел вперед, и мою жену повел тоже; он повернул нас лицом друг к другу и сказал опуститься на колени. Он благословил нас, сказав:

– Прежде Утнапишти и его жена были смертными; теперь пусть Утнапишти и его жена сами станут богами и обретут бессмертие».

Дочитав написанное на табличках до конца, Гильгамеш спросил:

– Как я могу пойти туда, где живет Утнапишти? Как мне найти дорогу в его жилище? Я отправлюсь к тому, кого боги сделали бессмертным, и узнаю от него, как человек может спасти себя от ухода в нижний мир Иркаллы.

Его мать сказала:

– Мы только знаем, что жилище Утнапишти находится за горой Машу, где солнце встает и садится.

После этого Гильгамеш отправился к горе Машу. У подножия на него напали львы; он убил многих львов, но другие следовали за ним почти до самой вершины горы. Когда же он подошел к вершине, он увидел ужасных стражников, охранявших место, где солнце встает и садится. Это были люди-скорпионы, и на них даже смотреть было страшно. И Гильгамеш, увидев их, сказал:

– Ах, если бы мой друг Энкиду был сейчас со мной! С его помощью я бы одолел этих стражей, от одного взгляда которых меня бросает в дрожь.

Он пошел дальше; он приблизился к ужасным стражам, и он, сам Гильгамеш, униженно склонился перед ними.

Один человек-скорпион сказал другому:

– Тела всех тех, кто приходил этим путем, мы пожираем, но что это? Тот, кто подходит к нам, – плоть богов. Мы не можем его пожрать. На две трети он бог, на одну – человек. – И голосами, от которых дрогнули камни на вершине горы, они предложили Гильгамешу пройти. И они крикнули ему, что он входит в царство тьмы и что никто и никогда еще из тьмы не возвращался.

Они еще не окончили свои речи, а Гильгамеш уже шагнул во тьму. И сразу исчезли горы и небо. Он шел, и темнота становилась все гуще и гуще, ни один смертный еще не шагнул сквозь такую тьму, как та тьма. День и ночь Гильгамеш шел вперед, он шел сквозь густую, непроницаемую тьму. Он думал, что больше никогда не увидит света. А потом он вышел туда, где был свет. Он увидел вокруг себя яркий дневной свет. Он увидел перед собой сад, наполненный разными цветами и созревающими фруктами.

Это был сад богини Сидури-Сабиту. В этом саду росло древо богов. Его охраняла богиня. Сидури-Сабиту сидела на троне у моря. Она сказала Гильгамешу:

– Кто ты, пришедший сюда с впалыми щеками и поникшей головой? «Печально сердце твое, лицо увяло, тоска в утробе твоей обитает». Никто подобный тебе не приходил в этот сад, где растет древо богов.

И она приказала слугам закрыть перед ним врата сада. Гильгамеш положил руки на ворота. Он стал трясти их, да так сильно, что они зашатались и загремели. Он сказал богине:

– Я иду туда, где живет Утнапишти, это мой предок.

Она говорила с ним сидя на троне, а он не убирал рук с ворот. И он сказал ей:

– Я – Гильгамеш, а Энкиду, который был моим другом, стал землей. Судьба моего друга угнетает меня, и потому я отправился сюда, чтобы поговорить с моим предком Утнапишти и освободиться от страха смерти. О, Сабиту, ты, которая сидит на троне у моря и охраняет ворота, поговори со мной, покажи мне дорогу туда, где живет Утнапишти. Опиши мне ее. Если будет возможно, я пересеку море, чтобы попасть в его страну. Если пересечь море будет невозможно, я пересеку землю, даже если это будет земля, которой владеет тьма.

Тогда богиня Сидури-Сабиту, охранявшая ворота, зная, что две трети его плоти есть плоть богов, ответила Гильгамешу. Она сказала ему:

– Море, у которого я сижу и на которое ты взираешь, это воды смерти. Никто прежде не пересекал этих вод, кроме Шамаша, солнечного бога.

– Я пересеку эти воды, – сказал Гильгамеш.

И молвила Сидури-Сабиту, сидя на троне у моря:

– Воды пересекает корабельщик Уршанаби. Отыщи его, и, быть может, он перевезет тебя туда, где обитает Утнапишти.

Гильгамеш ждал у моря, пока не увидел корабельщика Уршанаби. Он вошел в его лодку. Пятьдесят дней и ночей плыли они по водам смерти, и корабельщик предупредил Гильгамеша, чтобы тот не вздумал опустить руки в воду. И вот они прибыли к земле, где Утнапишти, предок Гильгамеша, имел жилище.

Утнапишти вместе с женой подошел к кромке воды. Он увидел приближающуюся к берегу лодку Уршанаби. Удивленный тем, что в лодке Уршанаби есть кто-то еще, Утнапишти ждал на берегу.

Гильгамеш вышел из лодки, и он направился к двум фигурам, которые стояли невдалеке. Утнапишти знал своего потомка, и он приветливо заговорил с Гильгамешем.

И Гильгамеш поведал ему обо всем, что случилось с ним в мире людей; он рассказал, как отобрали у него его единственного друга Энкиду, и тот, который был словно пантера в пустыне, который помог уничтожить огнедышащего быка, стал землей.

– И я тоже должен буду однажды лечь и не вставать целую вечность? – закричал он, обращаясь к Утнапишти. И снова закричал: – Я был ужасно испуган! Я боялся смерти, и поэтому я убежал из моей страны.

И отвечивал Утнапишти Гильгамешу. И сказал он:

– Никому не дано знать день своей кончины, так решила Маммиту, устроительница судеб, и никто не знает его, кроме самой Маммиты.

Пока Утнапишти говорил, Гильгамеш ел и освежался после дальней дороги. Освежившись, он растянулся в лодке, и им овладела дремота. Он уснул. Тогда Утнапишти сказал своей жене:

– Посмотри на героя, что хочет жизни! Сон дохнул на него, как мгла пустыни.

Гильгамеш спал. Шесть дней жена Утнапишти пекла хлеб и складывала у его изголовья. На седьмой день, принеся ему хлеб, она дотронулась до молодого человека, и он проснулся.

И весь день он задавал вопросы Утнапишти о возможности избежать смерти. Утнапишти поведал ему, что на дне моря, которое он пересек, и в самом центре его, находится цветок, и тот, кто съест его через девять дней после того, как он будет сорван, избежит смерти. Сказав это, Утнапишти велел корабельщику быть готовым везти Гильгамеша обратно через воды смерти.

Корабельщик приготовился; жена Утнапишти дала Гильгамешу хлеба, которого хватило бы на весь обратный путь. Когда лодка достигла середины моря, Гильгамеш привязал к ногам камни и шагнул в воду. На дне он обнаружил цветок и сорвал его. Он вернулся в лодку, и через некоторое время она пристала к берегу у подножия горы. Земля была красивой, и Гильгамеш решил там отдохнуть. Еще не пришло время съесть цветок, который он сорвал на дне моря.

Змея почуяла цветочный запах и приползла туда, где был Гильгамеш. И тут «увидел Гильгамеш водоем, чьи холодны волны», и захотел омыть свое тело. И он пошел купаться. И пока он плескался в пруду, змея съела цветок – да, она съела его целиком. И Гильгамеш остался без того, что могло помочь ему избежать смерти. Он заплакал, и к нему явился дух Энкиду и поведал ему о стране мертвых и о том, как живут те, кто туда попадает.

СОШЕСТВИЕ ИШТАР В ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Пришло время, и богиня Иштар вспомнила о друге своей юности, о Таммузе; ее сердце заставило ее отправиться вниз во владения Иркаллы, в царство тьмы, куда ушел Таммуз. Итак, облачившись в великолепные одеяния, во всей своей красе и могуществе госпожа Иштар вошла в пещеру, из которой был вход в царство Иркаллы. Она подошла к ее владениям, окруженным семью стенами, в которые вели семь ворот, месту, где мертвые пребывают в вечном неизменном мраке. Перед первыми воротами она остановилась и крикнула привратнику Неду:

– Эй, привратник, открой ворота, чтобы я могла войти!

Привратник посмотрел на нее из-за ворот; он не заговорил с ней; он не открыл ей ворота.

– Если ты не откроешь ворота, я буду биться в них, я буду трясти их и стучать, и я разрушу ворота. Да, я потревожу мертвых, которыми правит твоя госпожа! Я подниму мертвых, и они пожрут живущих, и мертвых станет на земле больше, чем живых.

Так сказала богиня, стоящая перед воротами во всем своем могуществе и великолепии.

Услышав ее повелительный голос, увидев ее могущество и великолепие, Неду, привратник царства Иркаллы, сказал:

– Великая госпожа, не круши ворота, которые я охраняю. Позволь мне пойти и сообщить твою волю нашей царице Иркалле.

И он отправился к царице. Услышав о приходе гостьи, Иркалла пришла в ярость. Она велела привратнику открыть ворота и взять у гостьи принадлежащую ей вещь, как предписывают древние законы. Привратник возвратился к первым воротам. Он положил руки на ту сторону ворот, где лежал толстый слой пыли; он открыл засов, покрытый пылью.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова и снял корону с головы Иштар.

– Почему ты снял с моей головы корону? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы.

Иштар вошла в первые ворота и увидела перед собой вторую стену. Склонив голову, она пошла к ней. Привратник при ее приближении открыл вторые ворота.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова, протянул руку и снял украшавшее шею Иштар ожерелье – восьмиконечную звезду.

– Почему, о привратник, ты снял с моей шеи ожерелье? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы.

Иштар вошла во вторые ворота и увидела перед собой третью стену. Склонив голову и уже не излучая вокруг сияния, она пошла к ней. Привратник при ее приближении открыл третьи ворота.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова и снял браслеты с рук Иштар, браслеты из золота и лазурита.

– Почему, о привратник, ты снял с моих рук браслеты? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы.

Иштар вошла в третьи ворота и увидела перед собой четвертую стену. Склонив голову и уже не излучая вокруг сияния, не блистая золотыми украшениями, она пошла к ней. Привратник открыл четвертые ворота.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова и снял с ног Иштар туфли.

– Почему, о привратник, ты снял с моих ног туфли? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы.

Иштар вошла в четвертые ворота и увидела перед собой пятую стену. Склонив голову и уже не излучая сияния, не блистая роскошными золотыми украшениями, пошатываясь и спотыкаясь, она пошла к ней. Привратник открыл пятые ворота.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова, протянул руки и снял с Иштар ее великолепное покрывало.

– Почему, о привратник, ты снял с меня покрывало? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы.

Иштар вошла в пятые ворота и увидела перед собой шестую стену. Склонив голову и уже не излучая сияния, не блистая роскошными золотыми украшениями, пошатываясь и спотыкаясь, не поражая взгляд великолепием облачения, она пошла к ней. Привратник открыл шестые ворота.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова, протянул руки и снял с Иштар ее платье.

– Почему, о привратник, ты снял с меня платье? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы.

Иштар вошла в шестые ворота и увидела перед собой седьмую стену. Склонив голову и уже не излучая сияния, не блистая роскошными золотыми украшениями, пошатываясь и спотыкаясь, не поражая взгляд великолепием облачения, лишившись одежд, она пошла к ней. Привратник открыл седьмые ворота.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова, протянул руки и снял с Иштар ее набедренную повязку.

– Почему, о привратник, ты снял с меня набедренную повязку? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы⁴.

Обнаженная, лишенная былого великолепия, могущества и красоты, предстала Иштар перед Иркаллой. Иркалла, богиня нижнего мира, имела голову львицы и тело женщины; в руках она держала змею. Перед ней стояла Белит-сери, дева пустыни, и держала в руках таблички, на которых записывала приказы Иркаллы.

Иштар увидела мертвых, которые были там. Они жили без света, они ели глину, и пищей их был прах. Они были одеты в перья и имели крылья, словно птицы. Увидев их, Иштар очень испугалась. Она стала просить разрешения Иркаллы вернуться из дома мрака, где обитали священнослужители и их помощники, волшебники и пророки, где обитал Таммуз, друг ее юности. Но Иркалла ей сказала:

– Ты находишься в царстве, откуда нет возврата, в мире тьмы; ты находишься в доме мрака, откуда никто и никогда не выходил; ты выбрала дорогу, которая ведет только в один конец. Ты пришла в дом, где все, кто сюда входит, лишены света, где их хлеб – прах, а еда их глина, где они не видят света и живут во мраке, одетые, словно птицы, в перья. На двери и запорах лежит пыль.

Иркалла обрушилась на Иштар с бранью, она призвала Намтара, демона чумы, чтобы он ударил богиню. И Намтар подошел, и ударил ее, и чума поразила все ее члены. Иштар больше не видела света, ее тело покрылось перьями, она ела прах и глину, она стала одной из тех, кого посылала в царство Иркаллы.

Иштар осталась во владениях Иркаллы и не вернулась на землю. Миновал один сезон. Земля стала не такой, какой была, когда по ней ходила Иштар. Корова больше не склонялась

⁴ В другом варианте Иштар лишалась одежды в следующем порядке: корона, серьги, ожерелье, украшения, пояс, браслеты, набедренная повязка, или: тиара, подвески, ожерелье, шитки с грудей, пояс, браслеты, набедренная повязка.

перед быком, а бык больше не ревел, чтобы коровы слышали его могучий глас. Овца больше не бежала к барану, а кобыла не обращала внимания на жеребца. Козел, вожак стада, спокойно щипал траву и листья вместе с другими животными, словно в нем не было мужских и женских особей, даже птицы не перекликались весело и призывно друг с другом. Мужчина не подходил на улице к служанке, воин, возвратившись домой, не обнимал жену, да и она не шептала слова любви воину. Никто не интересовался женщинами в храме Иштар. Блудницы не зазывали мужчин. Так было на земле, пока Иштар пребывала в нижнем мире.

Шамаш, солнечный бог, встревожился. Он узнал о скорби, охватившей людей, птиц и зверей и всех живущих на земле. Поколение живых существ умрет, и на земле не останется ничего живого. Те, кто были созданы Богом, погибнут. Так подумал Шамаш и поспешил к Эйа, великому богу. Тот выслушал рассказ Шамаша о том, что жизнь на земле не возобновляется, и узнал, что так происходит потому, что Иштар удерживают в нижнем мире. Тогда Эйа, великий бог, слепил из глины существо – Уд-душу-намира⁵ – и повелел ему отправиться в нижний мир, во владения Иркаллы, и просить ее от имени богов дать ему живую воду, чтобы сбрызнуть ею богиню Иштар.

Итак, существо, созданное Эйа, отправилось во владения Иркаллы. Над Уд-душу-намиром Иркалла была не властна. Он обратился к ней от имени богов с просьбой дать живую воду, чтобы сбрызнуть богиню Иштар. Иркалла, услышав эти слова, рассвирепела. Она открыла свою львиную пасть, ее женское тело задрожало, она прокляла Иштар и существо, стоявшее перед ней. Но существо, созданное Эйа, не испугалось ее проклятий. И ей пришлось принести живую воду. Она вложила сосуд с водой в его руки и приказала Намтару привести богиню Иштар.

Иштар вышла из праха и глины; живая вода пролилась на ее тело. Она стояла перед Иркаллой живая, но бледная, бессильная, обнаженная и дрожащая.

Неду, привратник, положил руки на засов, покрытый пылью, открыл ворота, на которых лежал слой пыли. Иштар прошла через ворота. Он отдал ей набедренную повязку; она надела повязку и прикрыла свою наготу. Она пошла дальше. Привратник открыл вторые ворота. Он отдал Иштар ее платье. Он отдал ей покрывало; он отдал ей туфли для ее ног; он отдал ей браслеты из золота и лазурита; он отдал ей восьмиконечную звезду, которая украшала ее шею. Наконец, он открыл внешние ворота царства Иркаллы. Он взял золотую корону и надел на голову Иштар. И богиня вышла из владений Иркаллы. Но она не шествовала в своем величии, она не шла, излучая сияние. Она шла склонив голову. Она вернулась в мир, где был свет. Но там не было цветов и не пели птицы.

Но лишь только она появилась на земле, величие и могущество вернулось к Иштар; и она пошла дальше, как богиня – да, как настоящая богиня любви. Живые существа на земле слышали ее голос. И заревел бык, его глас услышала корова и склонилась перед ним; заржал жеребец, и к нему устремилась кобыла; возвратившийся воин обнял свою жену, и та сказала: «Ты мой мужчина, а я буду твоей женщиной»; мужчина на улице подошел к служанке. Все живые существа возрадовались; они восхваляли деяния Иштар. И боги возрадовались, зная, что созданная ими жизнь не исчезнет без следа.

⁵ В популярной литературе чаще встречается имя Ушу-шу-намир.

ПЕРСИДСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ДЖАМШИД БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ

Было время, когда деяния Ангра-Майнью, воплощения зла, больше не беспокоили мир и когда боль и смерть были неизвестны людям. Это время длилось тысячу лет. Это было, когда Джемшид Блистательный восседал на золотом троне в царстве света и имел на челе своем славу, принадлежащую царям Ирана, которые снискали благосклонность Ахурамазды, благого божества.

Таковыми были цари и маги, правившие людьми до Джемшида. Сначала был Гайя Маретан – в его время люди жили в горах и одевались в шкуры животных. Потом был Сийамак, он жил в согласии с демоном Ангра-Майнью, и его жизнь оказалась потерянной. Затем пришел Хошанг, и Хошанг дал людям огонь и показал, как искать и использовать металлы, которые находились в земле. Также он показал им, как отводить реки, чтобы они орошали землю, как обрабатывать землю и выращивать зерно. Для них он свел в пары овец, скот и лошадей. Более того, он научил собак преследовать добычу и показал людям, как сооружать укрытия для себя из шкур зверей, добытых на охоте. И Хошанг дал людям правосудие, и показал, как обходиться друг с другом по справедливости. Его правление, из-за безопасности и процветания людей в это время, было почти таким же, как правление Джемшида. И дана была Хошангу слава, которая сияла вокруг царей, к которым был благосклонен Ахурамазда, и Хошанг был первым, показавшим ее на своем челе. После Хошанга был Тахмурат; он покорил демона Ангра-Майнью и ездил на нем, как на коне. Демон так и остался бы покоренным, если бы не предательство жены Тахмурата. Демон явился к женщине и принес ей роскошные подарки. Он спросил у нее, боится ли его Тахмурат. Демон попросил ее выяснить это и сказать ему, и тогда он даст ей еще больше подарков. Женщина спросила у Тахмурата, боялся ли он когда-нибудь демона, на котором скачет, как на коне.

– На горе Албурз есть равнина, – ответил ей Тахмурат, – где меня охватывает страх. Когда я верхом на демоне попадаю а это место, я громко кричу и бью его, чтобы он скорее увез меня прочь от опасности.

Все это жена Тахмурата поведала демону Ангра-Майнью. И когда в следующий раз Тахмурат поехал на гору Албурз и стал кричать на демона в облике лошади и бить его, Ангра-Майнью сбросил его на землю и уничтожил его. Но до того, как он был уничтожен демоном, Тахмурат получил от дэвов, демонических созданий, благо для человека. Однажды, когда он убивал их одного за другим, дэвы сказали ему:

– Не убивай нас больше, и мы научим тебя очень полезному искусству.

Тахмурат согласился, дэвы показали ему искусство письма, и он научил людей писать.

Теперь Джемшид отвоевал у демонов Славу, и она сияла на его челе, пока он правил Ираном, царством света. И его называли Блистательным, из-за сияния, которое лежало на нем и на всех предметах в его время. Смерти тогда не знали; отец и сын шли по земле вместе, и оба пребывали в расцвете юности. Люди, птицы, звери и дэвы повиновались своему правителю Джемшиду.

В первые столетия своего правления он разделил людей на классы; он создал класс священнослужителей, которые приносили жертвы; он создал класс воинов, которые охраняли троны правителей и отбрасывали врагов ариан⁶. Он образовал класс землепашцев, которые

⁶ Арианство – одна из древнейших ересей в христианстве.

обрабатывали землю и выращивали урожай и которых никто не мог угнетать или срамить; он создал класс ремесленников, которые жили в одном месте и были очень беспокойными. Людьми, входящими в эти классы, мудро и справедливо правил Джамшид со славой на челе.

Во второе столетие своего правления он создал могущественные сооружения – дворцы, храмы, огромные, окруженные прочными стенами города. Тогда и был построен Персеполь – город, названный «троном Джамшида». В третье столетие своего правления он привлек в этот город тех, кто жил очень далеко, а также тех, кто кочевал с племенами. И он обеспечил их, получив от земли, благодаря своей мудрости, много даров. Тех, кто были больны, он вылечил, открыв, благодаря своей мудрости, превосходные лекарства, и показал людям, как их готовить. Все больше и больше людей, которых Джамшид собрал вокруг себя и накормил, славили своего правителя.

А потом Джамшид изменился. Он забыл, что все, чем он владеет, исходило от Ахурамазды. Он решил, что все, давшее процветание людям, исходит от него, и только от него. И как только он так подумал, Слава покинула его чело, оставив его бледным и дрожащим. Она покинула его в облике птицы Варегны. И тогда Митра завладел ею и вернул Славу обратно Джамшиду – Митра, которому мы поем:

Ты, кто проносишься над Албурзом,
Рысаки, которые поднимают ветер, —
Митра, первый из бессмертных!
Ты, кто видишь внушительные когорты
И поддерживаешь сердца воинов, —
Митра, первый из бессмертных.
Подвиги, которые ты можешь видеть, —
Подвиги сегодняшних сердец неробких —
Митра, первый из бессмертных!

Слава вернулась на чело Джамшида. Но скоро он сказал себе: «Мир принадлежит мне, потому что именно я дал людям все то, чем они пользуются». Слава опять покинула его, и он остался бледный и дрожащий. И опять она была ему возвращена.

И снова высокомерие овладело Джамшидом. Он устроил празднество и собрал народ вокруг своего трона. Он велел людям славить его прежде, чем они возносят хвалу небесам. Он обратился к ним и молвил:

– Мир принадлежит мне. Я создал его по своей воле, и только от меня получены все блага, которыми вы владеете, – ваши одежды и пища, ваш отдых и удовольствия, ваше здоровье и счастье. Мне вы обязаны жизнью. Поэтому вы должны поклоняться мне, как творцу и правителю мира. Все, кто не поклоняется мне, принадлежат демону Ангра-Майнью.

Но едва он окончил эту речь, Слава сошла с его чела, и он остался бледным, дрожащим и без охраны. И Слава больше к нему не вернулась. Болезни пришли в мир; раздоры пришли в мир; толпы людей, собравшиеся вокруг его города, стали враждовать друг с другом. Смерть пришла к людям. Демон Ангра-Майнью обрел силу в мире.

В это время в аравийских землях жил принц Дахак. Его отец имел бесчисленные стада скота и отары овец, а Дахак имел тысячу лошадей. Демон Ангра-Майнью отправился к Дахаку в облике юноши и попросил взять его на работу. Он стал одним из конюхов, ухаживающих за лошадьми. Он был расторопен, услужлив и завоевал расположение принца Дахака. Через некоторое время демон стал искушать принца, говоря ему, что вся власть окажется в его руках, если его отец умрет. Дахак долго слушал эти речи и в конце концов согласился с тем, что его отец должен умереть. И тот был убит, как будто случайно, и Дахак стал царем Аравии.

Когда же Дахак стал царем Аравии, демон Ангра-Майнью снова явился перед ним; он опять пришел в обличье юноши и попросил разрешения Дахака служить ему поваром. Дахак согласился, и новый повар стал готовить блюда для царя и его придворных. До этого времени люди питались только растительной пищей; они не знали, что можно употреблять в пищу плоть животных. Ангра-Майнью готовил блюда из мяса и подавал их царю и знати. Всем очень понравился вкус мяса, поедая которое люди становились сильнее и храбрее, и вскоре аравийские воины прослыли настоящими львами в сражениях. Однажды вечером, после того как царю и придворным была подана особенно вкусная и обильная трапеза, тот позвал своего повара и сказал ему:

– Имеешь ли ты какое-нибудь желание, о котором хотел бы меня просить? Если да, говори, и я клянусь, что сделаю все, что ты захочешь.

И демон, усмехнувшись, ответил:

– Только об одном я хотел бы попросить царя. Позволь мне стать за твоей спиной, положить руки тебе на плечи и запечатлеть поцелуй между твоими лопатками.

Царь разрешил. Тогда демон в облике юноши положил руки на плечи Дахака и поцеловал его между лопатками. Как только он это сделал, земля разверзлась, и юноша исчез, а все присутствующие застыли в изумлении. Но что это? С каждого плеча царя свисало по шипящей змее.

Все были в ужасе из-за случившегося. Придворные попытались оторвать змей от спины царя, но не могли это сделать. Они достали мечи и стали рубить шипящих тварей. Но лишь только они отрубали от них части, змеи вырастали снова, шипя еще ужаснее и вгрызаясь в плоть царя. И никто не знал, что можно сделать, чтобы спасти царя от змей, которые пожирали его.

И тут перед Дахаком и его придворными появился Ангра-Майнью. На этот раз он принял облик мудреца. Он обратился к царю и сказал:

– Это зло нельзя исцелить; всегда будут змеи оставаться на плечах царя. Но можно сделать так, чтобы они не вгрызались в его плоть непрерывно. Для этого их следует кормить иначе. Каждый день давайте каждой из них мозг молодого мужчины. Если это будет сделано, царю станет легче.

Слова Ангра-Майнью были услышаны. Каждый день убивали двух молодых мужчин и их мозги скармливали змеям, поселившимся на плечах Дахака. Царь был избавлен от постоянной боли, но в стране воцарился страх и уныние из-за убийств молодых мужчин.

И опять Ангра-Майнью не был удовлетворен. Он желал, чтобы страх и уныние, воцарившиеся вокруг Дахака, были перенесены в Иран, царство света. Это было время, когда Джемшид лишился своей Славы в третий раз и на земле господствовали горе и болезнь. Раздоры тоже процветали, поскольку придворные отвернулись от Джемшида и боролись за право отнять у него власть. Они слышали об аравийском царе, который был силен и могуществен и являл собой угрозу для врагов. И они послали гонца к Дахаку – Дахаку, которым владел демон, – и пригласили его стать царем и править Ираном.

И тогда Дахак и его армия пришли в Иран. Джемшид в страхе бежал. И в течение ста лет тот, кто был так славен и имел на своем челе Славу царей Ирана, прятался от ярости Дахака, которым владел демон. Дахак искал его везде. И наконец, на берегу самого далекого моря слуги Дахака нашли Джемшида. Они взяли его, того, которого некогда звали Блистательным, распилили его пополам и послали Дахаку известие об этом.

Тогда Дахак взял себе Славу и мировое господство, словно это было кольцо, которое он надел на палец. И он, возлюбленный демоном Дахак, сел на золотой трон и стал править Ираном, царством света. В те дни воля плохого человека исполнялась, а те, кто желал добра или говорил о добре, делали это шепотом, украдкой. Чистые жертвы больше не приносились,

а люди по наущению дэвов стали практиковать черную магию. И каждый день двух молодых мужчин убивали, чтобы накормить змей, обосновавшихся на плечах Дахака.

Тысячу лет правил Дахак, и тысячу лет на земле процветало зло. Но вот наконец услышал Ахурамазда плач своего народа. Он решил, что пора положить конец власти зла на земле.

И тогда Дахаку приснился сон; привиделся ему юноша с царской осанкой, изящный, словно кипарис, и он знал, что этот юноша из рода Джамшида. И юноша подошел к нему, словно хотел ударить булавой, которую держал в руках. Дахак пробудился. Он призвал своих советников-мудрецов и, когда те предстали перед ним, потребовал, чтобы они растолковали ему сон.

Мудрецы испугались, и в течение трех дней они хранили молчание. А Дахак непрерывно требовал от них ответа. В конце концов они заговорили. И сказали они:

– Юноша из рода Джамшида поднимется и изменит твою судьбу.

Услышав это, Дахак упал в обморок, а мудрецы в ужасе разбежались.

И тогда Дахак повелел искать по всему миру юношу из рода Джамшида. Он пребывал в страхе, и он вел бесконечные войны, и на земле воцарилось насилие и убийства. Но он так и не нашел юношу, привидевшегося ему во сне. А такой юноша жил на земле, и звали его Фаридун. Его мать слышала о поисках потомка Джамшида и спрятала его в дремучем лесу, где он был вскормлен молоком чудесной коровы и обучался премудростям теми, кто эту корову охранял. И Фаридун вырос высоким и стройным, как царский кипарис.

Наконец, известия о чудесной корове и вскормленном ее молоком юноше достигли ушей Дахака. Он собрал армию и подступил к лесу, где они жили. Но матери Фаридуна было видение, предупредившее ее об опасности; она убежала вместе с сыном и привела его на гору Албурз; она попросила живущего там отшельника сохранить сына и обучить его. Она сообщила отшельнику, что юноша – потомок Джамшида, тот, кто уничтожит Дахака, одержимого демоном Ангра-Майнью. Отшельник спрятал юношу в своей пещере. Что же касается одержимого демоном царя, то, когда он обнаружил, что юноша действительно был в лесу, но скрылся от него, он пришел в бешенство и стал похож на взбесившегося слона. Он убил чудесную корову, убил тех, кто эту корову охранял, и сжег лес, в котором они жили. Его сердце было переполнено страхом и злобой, и он продолжил поиски Фаридуна.

Дахак собрал армию еще большую, чем у него была ранее; но он стал опасаться того, что о нем скажут. Тогда он призвал народ собраться перед его тронem и зачитал манускрипт, в котором говорилось, что он есть и всегда был справедливым царем. Люди собрались перед его тронem; в страхе они склонились перед ним; они подписали свои имена под словами, в которые не верили, что Дахак есть и всегда был справедливым царем.

Однажды, когда люди собрались, чтобы написать свои имена в свитке, перед воротами дворца возник странный шум. Офицеры спросили, в чем причина беспорядков. Перед ними предстал человек и сказал:

– Со мной поступили несправедливо, я требую правосудия царя.

Тогда заговорил Дахак. Он сказал:

– Я требую, чтобы ты назвал имя человека, который тебя обидел. Скажи его имя, чтобы царь мог свершить правосудие.

Тогда человек вышел перед царем и, глядя прямо на него, сказал:

– Я – Кава, кузнец и невинный человек. Я подаю жалобу и требую правосудия. Жалобу против тебя, о мой царь. У меня было семнадцать сыновей, и теперь остался только один. Остальные были безжалостно убиты, чтобы накормить твоих проклятых змей. Я прошу тебя, мой царь, оставить жизнь последнему из моих сыновей.

Все присутствующие в зале почувствовали страх, услышав речи Кавы, обращенные к царю. Но Дахак сохранил спокойствие, он сказал, что жизнь последнего сына будет сохранена.

И он подвел мужчину туда, где другие подписывали свои имена в свитке, утверждавшем, что Дахак – справедливый царь, и велел поставить свое имя.

Когда это было сказано, кузнец поднял руки и объявил, что не станет подписывать эту ложь. Он взял свиток, разорвал его и разбросал обрывки по залу. Затем он вышел из дворца, оставив тех, что хранили молчание и были исполнены благоговения.

Кава отправился на рыночную площадь, и вокруг него собралась толпа. Он поведал людям все, что случилось во дворце, и напомнил им злые деяния, которые вершил Дахак, его несправедливость, из-за которой они страдали. Он поднял их, и они были готовы нанести удар, чтобы сбросить ярмо прислужника демона Ангра-Майнью. Кава снял кожаный фартук, которым кузнецы обычно закрывают колени, когда куют железо. Он привязал его к палке и поднял, словно знамя. И люди объявили, что пойдут за ним под этим знаменем.

Так образовалась армия, во главе которой был Кава. Солдаты Дахака выступили против нее, и армия Кавы отступила в другие земли. Она подошла к горе Албурз, где повстанцы разбили лагерь. И с горы спустился подросший Фаридун, теперь уже взрослый молодой человек. Теперь он знал, что является потомком Джамшида, знал он и о злых деяниях Дахака и был полон решимости уничтожить его. Он так сказал матери:

– Я иду на войну, а ты останешься и будешь молиться Ахурамазде, чтобы он сохранил меня.

Армия Кавы знала, что этому юноше судьбой предназначено свергнуть одержимого демоном царя.

И армия под знаменем Кавы выступила на запад. В Багдаде, что стоит на Тигре, армия остановилась. Фаридун просил перевозчиков переправить его людей через реку, но те отказались. Они сказали, что незадолго до этого царь Дахак переправился через реку и приказал им больше никого не перевозить на другой берег. Услышав эти слова, Фаридун разгневался, и в гневе он не думал о подстерегающих его опасностях. Он устремился на своем жеребце прямо в воду, и первые ряды воинов последовали за ним. Течение оказалось сильным, и в какой-то момент показалось, что поток унесет смельчаков, но вот Фаридун верхом на жеребце выехал на противоположный берег Тигра, и, когда его люди увидели это, они с легким сердцем последовали за ним.

Они направились к городу, который теперь носит имя Иерусалим. В нем стоял прекрасный дом, который Дахак возвел для себя, дом, выстроенный в форме птицы. И когда Фаридун подошел к городу, его население присоединилось к армии, потому что люди ненавидели Дахака. И Фаридун вошел в дом, построенный царем, любимцем Ангра-Майнью, и разбил талисманы зла, развешанные на стенах, и стал хозяином дома и всего, что в нем было.

Потом Фаридун стал преследовать Дахака, он гонялся за ним по дому и поймал с помощью веревки, сделанной из лвиной шкуры. Он заковал пленника в оковы, которые удержали бы слона. Потом он хотел убить его, того, кто угнетал мир в течение тысячи лет. Но Дахаку не суждено было быть убитым. Фаридуну явился ангел Сраоша и молвил:

– Не убивай его, час Дахака еще не пробил.

Фаридун опутал пленника прочными путами и отвез на гору Демавенд и оставил его в узком ущелье привязанным к скале, чтобы он висел там веками. И ангел Сраоша поместил на чело Фаридуна Славу, которая была у Джамшида. И Фаридун правил миром справедливо, в его время люди жили в безопасности и полном согласии. И на земле воцарились радость и благоденствие.

Но древняя история гласит, что Дахак, привязанный Фаридуном в ущелье на горе Демавенд, будет освобожден Ангра-Майнью, и силы зла снова одержат верх. Он будет освобожден от оков, и в ярости ринется вперед, и будет глотать все, что попадется на его пути. Он проглотит треть человечества, треть скота, треть овец. Он будет уничтожать воду, огонь и растительность

на земле. И тогда вода, огонь и растительность обратятся к Ахурамазде. И Ахурамазда пошлет ангела Сраоша, чтобы тот разбудил героя Керсаспа. Ангел позовет три раза. Услышав призывы ангела, герой проснется, отправится в путь, встретит Дахака, ударит его своей огромной була-вой и убьет любимца Ангра-Майнью. И когда Дахак будет убит, на земле начнется такая же эра счастья, как при Джемшиде Блистательном.

ИУДЕЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ ПОСТХРИСТИАНСКОГО ПЕРИОДА

Ангелы, создание и падение человека. Смушение ангела смерти

АНГЕЛЫ, СОЗДАНИЕ И ПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Когда Всемогуший (да будет благословенно его имя) создавал мир, двадцать две буквы – таково число букв священного алфавита – отделились от его венца и предстали перед его глазами. Каждая молила, чтобы он сделал ее первой буквой созидательного мира. Многие из них были начальными буквами разных священных имен. Но только одну из двадцати двух Всевышний выбрал для того, чтобы сотворить мир посредством ВЕТН; это начальная буква еврейского глагола «барах» (barach), что означает БЛАГОСЛОВЛЯТЬ.

В первый день Всевышний сотворил небеса и землю, свет и тьму, продолжительность дня и продолжительность ночи. Из-под своего трона он достал камень и бросил его в хаос: этот камень стал центром земли, и все, что было сотворено, было создано вокруг него. На второй день Бог сотворил ангелов. На третий день он сотворил растения, и среди них то растение, которое было главнее всех, – ливанский кедр. Но чтобы эти деревья, самые высокие из всех существующих, не вознеслись чрезмерно, в тот же день он создал железо, которое будет эти деревья валить. Он создал рай, где предстояло жить первому человеку и вечно обитать душам праведников. На четвертый день он создал солнце, луну и звезды. На пятый день он создал рыб, и среди них ту рыбу, которая главнее всех, – Левиафана, и птиц, и среди них ту птицу, которая главнее всех, – Зинн. На шестой день он создал животных, и среди них то животное, которое главнее всех, – Бегемота.

На шестой день он создал человека. Но Всевышний, прежде чем сотворить его, посоветовался со своими ангелами. И некоторые ангелы высказались так:

– Что есть человек и зачем ты о нем заботишься?

Всевышний вытянул вперед палец, и те ангелы, которые это сказали, были истреблены пламенем, все, кроме их предводителей – Михаэля и Гавриэля. Затем Всевышний приказал Гавриэлю доставить с четырех сторон света пыль, чтобы из нее мог быть сделан человек. Гавриэль отправился выполнять повеление. Но земля не давала слуге Господа собрать пыль со своей поверхности.

– Мне суждено быть проклятой человеком, – сказала земля, – и благодаря ему мое хорошее состояние станет плохим. Если Всемогуший не возьмет с меня пыль, чтобы сотворить человека, никому никогда не будет позволено это сделать.

Когда Господь услышал речи земли, он вытянул вперед руку и взял пыль с четырех сторон света и сотворил человека из этой пыли.

Когда Бог соединял тело, которое он вылепил из пыли, с душой, созданной им в первый день творения, сонмы ангелов, знавшие о силе, которую человеку предстояло получить от Бога, возроптали против этого. И главным из тех, кто роптал, был ангел, крыльев у которого было двенадцать, в то время как у других было только шесть. Ангела того звали Самаэль. Он сказал Богу:

– Ты создал нас, ангелов, из своей Шехины⁷, а теперь хочешь поставить нас ниже этого низменного творения, созданного из грязи? Ты потратишь душу на комок грязи?

Человек мог погибнуть в огне, насланном на него Самаэлем, если бы Бог не простер над ним защищающую руку. Всевышний сбросил Самаэля и его приспешников с небес в ад. С тех пор этот падший ангел известен под именем Сатаны и является противником человека.

Бог назвал человека, которого сотворил, Адамом и поселил его в раю, который создал на третий день. И еще одно существо было создано Богом из пыли. Это была женщина по имени Лилит. Лилит жила с Адамом в раю. Она вознеслась над Адамом, зная, что и она, и он были сотворены из земной пыли, и сочла, что он не должен главенствовать. Лилит в своей гордыне произнесла Имя, которое нельзя было упоминать всуе, – тайное, священное имя Бога, и исчезла с глаз Адама. Она отправилась жить среди демонов.

После этого Адам был погружен в глубокий сон, у него было взято ребро, и из него Бог создал Адаму женщину, чтобы та стала женой Адама. Этой женщиной была Ева. Адам властвовал над всеми животными мужского пола на востоке и севере рая, а Ева властвовала над всеми животными женского пола на юге и западе рая. В центре рая росло дерево, мужчине и женщине было строго запрещено есть плоды этого дерева.

Самаэль, ставший Сатаной, падший ангел, катался верхом на змее. Животные видели Самаэля и змея и были испуганы этим зрелищем. И Самаэль, так чтобы слышала Ева, пел ангельские песни, и она, думая, что эти песни во славу Господа, внимала им. Змей заполз на дерево и впрыснул яд злых намерений в плод. Он наклонил ветвь, на которой висел плод, почти до земли. И Ева, после того как с ней поговорил Самаэль, сорвала плод и съела часть его. Она позвала Адама и убедила его съесть часть плода тоже. После этого повязки, завязанные на плечах каждого из них, на которых было написано священное имя Бога, упали, и им пришлось прикрывать свои чресла листьями, которые деревья сбросили, когда Ева съела запретный плод.

Тогда Всевышний изгнал Адама и Еву из рая и назначил херувимов «с обращающимися пламенными мечами», охранять врата рая, чтобы не дать людям вернуться. Земля почувствовала проклятие из-за падения человека. С тех пор ее поливали дожди, плоды были подвержены падению; ей предстояло порождать существа, которые несли ей гибель. Ей также пришлось изменить форму, образовать горы и долины и знать, что однажды она состарится. Ангелы на небесах горевали о падении человека; солнце также пребывало в унынии. Только луна рассмеялась, и за это Господь разгневался и затмил ее сияние.

⁷ Шехина – божественное присутствие.

СМУЩЕНИЕ АНГЕЛА СМЕРТИ

Когда Моисей состарился и приблизился к порогу смерти, Самаэль, ангел, исполненный враждебностью к человечеству, предстал перед тронем Всемогущего Господа и сказал:

– Разреши мне забрать душу Моисея.

Но Бог сказал ангелу, которого называли «злойбой Господа»:

– Как ты намерен забрать у него душу? С его лица? Как ты сможешь приблизиться к лицу, которое взирает на мое лицо? Из его рук? Но эти руки получили от меня Тору, так как же ты сможешь приблизиться к ним? Из его ног? Но его ноги касались моих облаков, так как же ты сможешь приблизиться к ним? Ты не сможешь подойти близко к Моисею.

Но Самаэль сказал:

– Я прошу только твоего разрешения взять его душу.

Тогда Господь ответил:

– Считай, что ты его получил.

Самаэль завернулся в красное одеяние ярости, взял меч и пошел туда, где жил Моисей. Когда он предстал перед ним, Моисей писал Священное имя. Поэтому его лицо было залито сиянием, а его глаза лучились светом. И когда он повернул свое лицо к Самаэлю и устремил свой взор на ангела смерти, в глазах того потемнело, а рука, сжимающая рукоятку меча, задрожала. Он неуверенно проговорил:

– Уступи мне свою душу, потому что подошло твое время покинуть этот мир.

И Моисей отвечал:

– Не тебе, ненавидящему людей, отдам я свою душу. – Держа свой посох, он выпрямился и сказал ангелу с мечом: – Я тот, кто вывел шестьдесят мириад израильтян из Египта, который превратил горькую воду в сладкую, кто вознесся на небеса и там говорил с Господом Вседержителем. Я тот, кто высек два камня, на которых Господь написал свой закон, кто сражался с великанами Сихоном и Огом, сотворенными еще до потопа, которые были так высоки, что воды потопа не достигли даже их щиколоток. Как смеешь ты, злобное создание, думать, что сможешь завладеть моей душой? Ты не смеешь даже сидеть там, где сижу я, и стоять там, где стою я. Убейся прочь, я не отдам тебе свою душу.

В страхе покинул Самаэль Моисея и снова предстал перед Всемогущим. А Господь молвил:

– В радости отправился ты за душой моего слуги Моисея, но вернулся ты без нее. Ты, презренный, отправляйся снова за душой Моисея, и если ты не доставишь ее, то больше никогда не будешь забирать человеческие души.

Тогда Самаэль покрыл себя малиновой одеждой гнева и, держа в руке обнаженный меч, пошел туда, где был Моисей. Моисей встал, когда появился падший ангел, и посохом, на котором было написано Священное имя, прогнал Самаэля.

Но когда он это сделал, Моисей услышал голос, который произнес:

– Зачем ты стараешься напрасно? Твоя последняя минута уже близка.

И сам Бог появился перед ним, и Моисей пал ниц и сказал:

– Господь всемогущий, творец мира! В любви ты сотворил этот мир, и в любви правишь им. Не лишай меня своей любви и не отдавай в руки Самаэля, ненавидящего род людской.

Вместе со Всевышним прибыли три ангела: Михаэль, Гавриэль и Загзагель. Гавриэль вышел вперед и соорудил ложе для Моисея, Михаэль расстелил на нем пурпурное покрывало, Загзагель положил подушку. Всевышний стал в изголовье, Михаэль справа от Моисея, Гавриэль слева, а Загзагель – в ногах.

– Скрести твои ноги!

Моисей так и сделал.

– Сложи твои руки!

Моисей так и сделал.

– Положи их на грудь!

Моисей так и сделал. Тогда Всемогуший молвил:

– Закрой глаза!

Моисей так и сделал, а Господь обратился к душе Моисея, находившейся внутри его тела:

– О дочь моя, я велел, чтобы сто и двадцать лет ты жила в этом праведном теле, но теперь покинь его немедленно, потому что настало время тебе сделать это.

Когда Моисей услышал эти слова, он сказал душе:

– Возвращайся к отдыху, о душа моя, и Господь будет щедр с тобой.

После этого Господь взял душу Моисея, поцеловав того в губы.

Бог и его ангелы спрятали тело Моисея в тайном месте на земле, а душу Моисея Господь взял и положил возле своего трона. Самаэль не знал о деянии Бога и его ангелов и в третий раз явился к Моисею, чтобы забрать его душу.

Но Моисея не было там, куда пришел Самаэль. Тогда падший ангел отправился в Землю обетованную, думая, что Моисей ушел туда, и он спросил землю, где Моисей, и ответила земля:

– Долго молился Моисей, чтобы быть здесь, но Моисея здесь нет.

Тогда Самаэль поспешил к морю и спросил он у моря:

– Здесь ли Моисей?

И ответило море:

– Я не видело Моисея с того дня, когда он разделил меня на двенадцать частей, чтобы двенадцать племен могли пройти через мои воды.

Самаэль отправился к бездне и спросил:

– Здесь ли Моисей?

И ответила бездна:

– Я не видела Моисея, но слышала его глас.

Тогда Самаэль взмыл вверх к небесным облакам, и спросил он облака:

– С вами ли Моисей?

И ответили облака:

– Мы не видели его с того дня, когда, по приказу Бога, он прошел сквозь нас, чтобы получить Тору на небесах.

Самаэль отправился туда, где растет древо знания, и спросил его, где Моисей. И дерево ответило, шурша листьями. Оно сказала:

– С того дня, как он пришел ко мне за щепкой, из которой хотел сделать ручку и записать ею Тору, я его не видела.

И Самаэль пошел к горе и спросил у нее о Моисее. И гора ответила:

– С тех пор как он вырубил из меня две каменные таблички для написания Закона Божьего, я не видела Моисея.

Тогда он спросил ангелов, видели ли они Моисея, и ангелы ответили:

– Мы слышали причитания по нему на земле, и мы слышали радость ему на небесах, но его мы не видели.

Тогда Самаэль, которого называли «злойбой Господа», стал ходить среди людей и спрашивать, где Моисей, а люди, смело глядя на него, отвечали:

– Что тебе за дело? Зачем он тебе? Господь забрал его душу к себе, и она сейчас находится возле его трона.

Услышав эти слова и увидев выражение лиц людей, Самаэль, ангел смерти, почувствовал себя смущенным.

ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Начало. Прометей. Пандора. Деметра. Орфей. Дионис. Аполлон. Геракл

НАЧАЛО

Вначале Нюкта, которая есть ночь, парила в темноте. Яйцо отложила Нюкта, чернокрылая птица. Из верхней оболочки этого яйца образовался Уран, который есть небеса, а из нижней оболочки – Гея, которая есть земля. И Эрос, который есть любовь, вылетел из яйца. Эрос соединил Урана и Гею. От их союза родились дети – могучие титаны: Океан, Гиперион, Рея и Фетида. А потом Уран, который был отцом, и Гея, которая была матерью, породили самое коварное дитя – Крона. Крон взял в жены Рею, и от Крона и Реи родились боги, которые были не такими, как титаны.

Крон ненавидел отца своего Урана. С помощью серпа, который дала ему мать, Крон напал на отца и нанес ему жестокие раны. И тогда Уран и Гея навеки разделились. У Крона и Реи родились дети – Гестия, Деметра, Гера, Гадес, Посейдон и Зевс, и все они были бессмертными богами. Крон опасался, что один из его сыновей поступит с ним так же, как он сам поступил со своим отцом. И когда у Реи родился еще один ребенок, Крон захотел проглотить его. Но Рея завернула в пеленки большой камень и отдала его Крону. Крон проглотил камень, уверенный, что пожирает своего новорожденного сына.

Этим сыном был Зевс. В младенчестве его прятали в глубокой пещере, и те, кто кормил и нянчил его, били в большие барабаны, чтобы его крики не были слышны. Его няней была Адрастея; когда же он подрос достаточно, чтобы играть, она дала ему мяч. Весь золотой был мяч и обвит темно-синей спиралью. Когда Зевс играл с мячом, он пролетал по небу, сверкая, как звезда.

Титаны, рожденные Ураном и Геей, ушли на гору Отрий и там стали царствовать. Когда Зевс стал юношей, он поднялся на гору Олимп, и там он, Посейдон, Гадес, Гера, Деметра и Гестия построили свои сияющие дворцы. Крон знал, что, если Зевс возьмет в жены Геру, его собственному правлению придет конец. И он попытался убить Геру. Но Рея спрятала Геру во владениях Океана и Фетиды. Там она стала женой Зевса. Мойры, которые есть судьба, подвели невесту к жениху; сам Эрос правил свадебной колесницей. Океан создал для молодой пары прекрасный сад Гесперид.

Тогда Зевс сверг своего отца Крона. Много детей родилось у Зевса и Геры, и олимпийцы стали могущественными. Но титаны с горы Отрий пошли на олимпийцев войной. Ни одна из сторон не могла одержать победу. Наконец, Зевс придумал, как помочь олимпийцам победить титанов. Он спустился в недра земли, где великаны, порожденные Ураном и Геей, были спрятаны их отцом. Они были связаны и закованы цепями. Зевс освободил их, и в благодарность сторукие великаны дали ему гром и молнию.

Зевс хотел использовать великанов в борьбе против титанов. Но хотя они и были очень сильны, в их сердцах не горел огонь смелости. И Зевс стал думать, как дать великанам смелость. Он принес им пищу и напитки богов – амброзию и нектар. Когда они все съели и выпили, в их душах родилось мужество, и они были готовы воевать с титанами.

– Сыны неба и земли, – сказал им Зевс, – уже давно жители Олимпа враждуют с титанами. Отдадите ли вы свое непобедимое могущество олимпийцам и поможете ли им свергнуть старших детей Крона?

– Божественный, – сказал Котт, один из великанов, – благодаря тебе мы вышли из мрачного подземелья; мы избавились от тяжелых оков, в которые нас заковал Крон. Мы желаем помочь вам в борьбе с титанами.

И великаны, на плечах которыхросло пятьдесят голов и которые имели сто рук, двинулись на титанов. Громко стонала земля, волновалось и бушевало бескрайнее море, все кругом колебалось, даже высокий Олимп. Великаны отрывали от горных хребтов огромные скалы и бросали их в титанов.

Зевс тоже не остался в стороне от битвы. Он метал молнии и оглушительно рокочущие громы; один за другим вылетали они из его сильных рук; и были молнии, и был гром, и был огонь повсюду. Пламя охватило всю землю, полыхали леса, кипели океанские воды. Огонь вплотную подступил к титанам. Три сотни скал, одну за другой, метнули в титанов Котт, Бриарей и Гиес. И дрогнули титаны, их ряды были смяты, великаны захватили их и привели к Зевсу.

Некоторые титаны с самого начала осознали, что борьба бесполезна, что они обречены на поражение, и они перешли на сторону Зевса. Их Зевс принял открыто и дружелюбно. Другие титаны были скованы и низвергнуты в мрачный Тартар, в вековую тьму.

Так же как земля от неба, далек от земли Тартар. Медная наковальня, брошенная с неба на землю, будет падать девять дней и девять ночей и долетит до земли на десятый день. А бронзовая наковальня, брошенная с земли в Тартар, будет падать девять ночей и девять дней и долетит до Тартара на десятую ночь. Вокруг Тартара стоит бронзовый забор, и ночь трижды окружила его, словно три нити ожерелья шею. Туда Зевс заключил титанов, которые выступили против него; они оказались в полной темноте, в мрачном и сыром месте на краю земли. Они не могут вырваться за окружающий их забор. Посейдон установил бронзовые ворота в их тюрьме, которые вечно охраняют сторожкие великаны Котт, Бриарей, Гиес и остальные.

Там властвует ночь. Ночь и день встречаются в этом месте, когда переступают бронзовый порог. Они подходят близко друг к другу, они приветствуют друг друга; но никогда не пребывают в одном доме вместе, ведь когда один собирается войти в дом, другая как раз из него выходит. Один держит в своей руке свет, другая – сон.

Там живут дети темной ночи – Сон и Смерть. На них никогда не попадают солнечные лучи. Сон может бродить по земле, путешествовать по морю, и он добр к людям. Но Смерть не знает доброты, и если схватит кого-то, то уже никогда не выпустит из рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.